

ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВИЕ

епископ Вениамин (Милов)

Пастырское богословие

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2002

ББК 86.372

(Миров) е.

Пастырское богословие / е. (Миров) — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2002

ISBN 5-7789-0147-X

Предлагаемое читателю собрание лекций по Пастырскому богословию с аскетикой исповедника веры Христовой епископа Саратовского и Балашовского Вениамина (Мирова) (†1955) было читано автором в 1947–1948 учебном году в Московской Духовной Академии. Редакция надеется, что этот выдающийся памятник русской пасторологической науки середины прошлого века много послужит духовному просвещению как священнослужителей, так и всех любителей отечественной богословской мысли.

ББК 86.372

ISBN 5-7789-0147-X

© (Миров) е., 2002
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2002

Содержание

От редакции	6
Введение	8
Задача, метод и содержание науки Пастырского богословия	8
Научно-систематическая Пасторология за XVIII и XIX вв. в России	11
Нравственно-практическая Пасторология в России за XIX в.	17
Основы пастырства как богоустановленного института	20
Часть первая	28
Пастырь пред хиротонией и по рукоположении	28
Приготовление к пастырству	28
Сущность пастырского служения	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Епископ Вениамин (Милов)

Пастырское богословие с аскетикой

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002

* * *

От редакции

*Елики явил ми еси скорби многи и злы; и обращься оживотворил
мя еси и от бездн земли возвел мя еси.*

Пс. 70, 20

Епископ Саратовский и Балашовский Вениамин (в миру Виктор Димитриевич Милов) родился в городе Оренбурге 8/21 июля 1887 года, в день празднования в честь Казанской иконы Божией Матери. Когда Виктор был лет трех, отца его, священника, перевели служить в Вятскую губернию; там и протекли детские и юношеские годы будущего архипастыря. В 1916 году Виктор Милов, по окончании Вятской Духовной Семинарии, был послан на казенный счет в Казанскую Духовную Академию, однако в связи с революционными событиями успел закончить только первый курс, а вскоре и вообще переехал в Москву, в Данилов монастырь.

В 1920 году Виктор Милов принял монашеский постриг с именем Вениамин в честь священномученика диакона Вениамина Персидского.

В 1922 году отец Вениамин, закончив Московскую Духовную Академию, был удостоен степени кандидата богословия за работу «Преподобный Григорий Синаит. Его жизнь и учение».

С 1923 года отец Вениамин – уже архимандрит – наместник Московского Покровского монастыря до самого его закрытия в 1929 году. По закрытии обители отец наместник был арестован и три года провел в лагерях.

После окончания срока заключения отец Вениамин получил назначение в Никитский храм города Владимира, в котором и прослужил до осени 1937 года, когда был сослан на Север.

С июня 1947 года отец архимандрит – в числе братии вновь открытой Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, а с осени этого же года и преподаватель патрологии Московской Духовной Академии в звании доцента. В 1948 году архимандрит Вениамин защитил диссертацию «Божественная любовь по учению Библии и Православной Церкви», получив степень магистра богословия, и был утвержден в звании профессора кафедры патрологии и в должности инспектора Академии. В 1949 году отец Вениамин снова был сослан, на этот раз в Казахстан.

В 1954 году отец архимандрит получил должность настоятеля Ильинского храма города Серпухова. В 1955 году архимандрит Вениамин был рукоположен во епископа Саратовского и Балашовского. Скончался владыка 2 августа 1955 года, в день памяти святого пророка Божия Илии. Погребен епископ Вениамин в городе Саратове.

По отзывам знавших владыку Вениамина, он был аскет, был очень прост и кроток, был ласков с окружающими и в то же время весьма требователен к себе и строг в канонических вопросах. Все перенесенные им испытания владыка находил промыслительными, поскольку «страдания закладывают в душу прекрасный фундамент исправления, закаляют в добрых навыках, учат непрехотливости и простоте»¹.

К безусловным достоинствам богословских трудов архипастыря следует отнести с очевидностью явленные в них глубокое знание предмета изложения, широкую образованность и удивительный дар слова.

Владыка всегда мечтал «еще послужить людям централизацией самых дорогих христианских чаяний», чтобы люди «утешались, становились лучше, просыпались сердечно и со всем напряжением устремлялись чрез покаяние к Богу, научаясь Его любить»².

¹ *Еп. Вениамин (Милое)*. Дневник инока. Письма из ссылки. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. С. 139.

² Там же. С. 163, 173.

Редакция надеется, что публикуемое ныне собрание лекций по Пастырскому богословию с аскетикой, читанных студентам Московской Духовной Академии за 1947–1948 учебный год, действительно много послужит духовному просвещению православного читателя, ибо «писания же некоторых и сравнительно очень редких благочестивых людей в необычайной простоте слова содержат бездонное море мудрости и благодати Святаго Духа»³.

Текст лекций публикуется, с незначительными сокращениями, по машинописи, хранящейся в библиотеке Московской Духовной Академии.

Орфография, синтаксис и пунктуация за известными исключениями (такими, например, как «становят», «настоять» и тому подобное) приведены в соответствие с современными нормами. Написание прописных и строчных букв следует традициям православного книгоиздания. Цитируемые автором тексты в основном выверены по первоисточникам.

Авторские сокращения раскрыты. Пропущенные в машинописи слова восстанавливаются исходя из контекста и сопровождаются пометой – *Ред.* Пропущенные предлоги и союзы восстановлены без оговорок. Слова, прочитанные предположительно, обозначаются символом <?>. Авторские вставки помещены в угловые скобки. В них же – пропуски в цитатах, обозначаемые многоточием, и текст от редакции, сопровождаемый пометой – *Ред.* Курсивом выделены цитаты из Священного Писания, разрядкой – авторские и редакционные подчеркивания.

³ *Еп. Вениамин (Милое)*. Дневник инока. Письма из ссылки. С. 230.

Введение

Предварительные сведения по пасторологии

Задача, метод и содержание науки Пастырского богословия

Пастыри Церкви, служа делу спасения пасомых, должны обладать для этой цели и знаниями, и глубоким настроением самоотверженной любви и сострадания. Только любовью понимается внутренняя жизнь другого человека и открывается доступ к другой душе в целях ее спасения.

Наука, теоретически подготовляющая будущих пастырей к их высокому служению, есть так называемое Пастырское богословие. Главная часть его заключается в пастырской аскетике, показывающей зарождение пастырского духа, процесс его развития и проявления в деятельности. Пастырское настроение складывается из самоотречения и любви.

В своей теоретической части Пастырское богословие должно нарисовать идеал, высоту и важность служения пастырей и наметить пути и средства к достойному выполнению его.

В академической постановке эта наука раскрывается с применением критического метода исследования при разборе библейских мест, изображающих пастырство Христа Спасителя. Сюда не входит исследование учения о пастырстве святых Апостолов и святых Отцов и Учителей Церкви и общий обзор всей отечественной пасторологии. Прикладная, практическая часть Пастырского богословия содержит правила, советы и требования, нужные пастырям по обстоятельствам и условиям современной жизни.

Вот почему преподаватель науки о пастырстве в теории и практически должен изучить свой предмет и от эрудиции и от огня личного настроения успешнее всего может зажигать подобный огонь знаний в слушателях. Иначе как изображать борьбу с искушениями, как измерять тяжесть пастырства, как научить оплакивать погибающих овец, как научить врачеванию душевных болезней?

Важность, обилие и трудность вопросов, разрешаемых пасторалистами, по научным методам ставят Пастырское богословие в разряд общепринятых наук. Предмет Пастырского богословия – живой, разнообразный, как жизнь; великий, как спасение человеческое, и трудный, как Крестная смерть за ближних.

Ввиду его разносторонности пасторалисты говорят о нем весьма своеобразно. Архимандрит Антоний (Амфитеатров) видит в Пастырском богословии систематическое изложение правил и наставлений по прохождению пастырского служения в Церкви. Архимандрит Кирилл (Наумов) определяет его как «систематическое изложение нравственных обязанностей пастыря»⁴. Архимандрит Борис (Плотников) вводит в нашу науку еще изображение нравственных качеств пастырей. Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Ляпидевский) считает предметом пастырского богословия руководство к прохождению всех обязанностей пасения словесных овец Христовых. Некоторые пасторалисты обращают центр своего внимания в нашей науке на освещение вопроса о зарождении и развитии пастырского духа, говорят об элементах пастырской духовно-благодатной жизни, передаваемой пасомым. По их мнению, это есть теория пастырского аскетизма, созидаящая в изучающих ее пастырское чувство к людям, представляющая высоту и красоту пастырского делания и способы духовного возрождения и усовершенствования руководимых. Способность превозмочь о пасомых, благодатно и состра-

⁴ Архим. Кирилл (Наумов). Пастырское богословие. СПб., 1853. С. 5.

дательно любить паству, переживать с ней ее радости и скорби выражает самую сущность пастырского служения и главный предмет Пастырского богословия. Профессор протоиерей С.А. Соллертинский предметом пасторологии считает пастырство Христа Спасителя, основополагающее дело дальнейшего пастырского водительства.

Разноречие определений объема и задач нашей науки говорит о значительности ее объекта, окончательно еще не выясненного научно.

Но общее во всех определениях – это пастырское служение, предполагающее определенное настроение действия руководства в теснейшем смысле слова. Слагается служение пастырей из проповеди слова Божия, совершения Таинств и примирения грешников с Богом отеческим руководством. Пастыри раскрывают умы к пониманию Писания, утверждают в правилах благочестия и охраняют от гибельных учений.

Точнее понятие о пастырском служении проясняется анализом слова пастырь; по-еврейски гое (גֹּשׁ"י) – имеющий склонность, нагибающий, ухаживающий за стадом, наставник. Управляющий паствою – пастырь – мыслится человеком, следящим за паствою, сильно занятым ею и преданным ей. Греческое слово *ὄψις* – питатель и защитник стада мелкого скота – дает мысль о пастырском уходе за слабыми и беззащитными душами. Это любовь не столько к массам, сколько к единицам стада, если они нуждаются в заботе и уходе. Самоотверженная преданность немощным пасомым пастырской любви и есть предмет Пастырского богословия как особой науки.

Пастырское богословие находится в близком соседстве с Литургикой, Гомилетикой и Каноникой. Но все названные науки не исчерпывают своими исследованиями пасторологических вопросов и целой сферы, где пастырь в собственном смысле слова является Пастырем. Пастырская сфера количественно и качественно обнимает пастырскую деятельность в отношении не целой паствы, а индивидуальных единиц ее, с разнообразием их личных качеств и общественных положений. Неусыпное попечение о душах и руководство каждой из них ко спасению есть искомая пастырская работа. По требованию овец пастырь в горах ищет заблудившихся, раненых обвязывает целебными травами, умирающих от голода и жары питает, похищенных изымает из пасти волчьей, упавших от слабости – поднимает. По мнению святителя Григория Двоеслова, это и есть душепопечение⁵. *Внимайте себе и всему стаду* (Деян. 20, 28), – говорил апостол Павел эфесским пресвитерам, то есть защищайте, берегите стадо свое. В отличие от области гомилетической, литургической и канонической, пастырская деятельность простирается на каждого пасомого лично, затрагивает отношения его жизни и дает им направление к общению со Христом.

Кроме высказанного нами положительного взгляда на предмет Пастырского богословия существует отрицательная точка зрения по этому вопросу, указывающая на то, что не подлежит пасторологическому рассмотрению.

Из объема Гомилетики Пастырское богословие не затрагивает проповедничества в регулировании его словом Божиим, постановлениями высшей церковной власти и законами речи. Оно касается лишь проповедничества с настроением любви и самоотречения. Из Литургии в Пастырское богословие входят также не способ и порядок совершения богослужения, а священнослужение в настроении самоотверженной любви к пасомым. Вопреки юридическому управлению приходом средствами внешнего порядка Пастырское богословие говорит об управлении приходом назиданием и словесным наставлением. Поэтому оно не формирует по образцу Каноники законы служения пастыря, а говорит о законе совести и настроении при служении пастыря.

⁵ См.: *Свт. Григорий Двоеслов. Правило пастырское, или О пастырском служении*. 2-е изд. Киев, 1873. С. 23–24, 31, 58, 64–65, 245–247.

Вместо канонического предписания пастырю: «Ты обязан», Пастырское богословие говорит ему: «Ты должен».

В конце концов можно определенно утверждать, что специальный предмет науки Пастырского богословия составляет именно пастырская деятельность в духе самоотречения и любви, или пасение агнцев и овец, по слову Спасителя (см.: Ин. 21, 15–17).

Важность и необходимость означенного предмета делает и самую пасторологическую науку одной из важнейших и нужнейших для душевного спасения. Святитель Григорий Богослов эту область богословского ведения назвал наукой из наук – как необходимую, всеобъемлющую и самую жизненную⁶.

Таким образом, и собственно науку Пастырского богословия есть основание определять как систематическое описание и изъяснение самоотверженно любвеобильной жизни и деятельности пастыря, благодатно возрождающей и духовно усовершеншающей пасомых.

⁶ См.: *Свт. Григорий Богослов. Творения*. 3-е изд. М., 1889. Ч. 1. С. 20.

Научно-систематическая Пасторология за XVIII и XIX вв. в России

В России Пастырское богословие – наука недавняя. Для верного понимания ее современного богатства важно изучить первые опыты ее раскрытия, так как они обусловили форму и характер позднейших научных систем по вопросу о пастырстве в Православной Церкви.

Замечательнейшим пасторологическим памятником XVIII в. следует считать, прежде всего, «Книгу о должностях пресвитеров приходских, от слова Божия, соборных правил и Учителей церковных сочиненную» (1-е изд.: СПб., 1776). Она издана впервые в 1776 г. и составлена двумя иерархами XVIII в.: архиепископом Могилевским, Мстиславским и Оршанским Георгием (Конисским) и епископом Смоленским и Дорогобужским Парфением (Сопковским). Авторы упомянутого руководства для пастырей указывают четыре вида служения их: проповедь, учительство примером личной жизни, священнослужение и молитву. После напоминаний о высоте пастырского служения «Книга о должностях пресвитеров приходских...» требует, чтобы пастыри учили людей, сами жили свято, тайнодействовали и молились о людях. Каждому пастырю здесь заповедуется читать слово Божие, держать его в сердце с размышлением и молиться Спасителю о наставлении Духом Святым на всякую истину. Поучения к народу, смотря по нуждам пасомых, могут быть вероучительными, полемическими, обличительными, нравоучительными и увещательными. Говорить предписывается кротко, с болезнью о слушающих и слезами, с осторожным наказанием. Место учительства, кроме церкви, – всякий дом, всякий удобный случай. Для разыскания погибающих овец пастырю полезно посещать дома прихожан.

Учащий добру, по словам авторов, сам должен быть добр, чтобы своею жизнью не разрушить созданного учительством достижения. Пастырское тайнодействие должно сопровождаться объяснением внутренней силы и цели Таинств прихожанам, требованием от них знания Символа веры. В смертных грехах пьянства, корысти и других нельзя священнодействовать. Крещение и Таинства Исповеди и Брака должно совершать с предосторожностью.

Пастырь есть и молитвенник за всех людей, о всех грехах их – да простятся, о добродетелях – да возрастут; молитвенник об избавлении от стихийных бедствий, о спасении живых и умерших. Молиться он обязан везде, наедине и при всех.

В общем, рассмотренное нами сочинение проникнуто любовью к пастырям и величайшим благоговением к их служению. Это сочинение имеет характер весьма ценного научного труда, изложенного сердечным и правильным слогом. Наставления его никогда не будут ниже времени, ввиду пастырской опытности их составителей.

Рядом с «Книгой о должностях пресвитеров приходских...» стоит «Сокращенный катихизис для священно- и церковнослужителей (как для всегдашнего их знания, так особливо для изучения, при вступлении их в церковные должности) с прибавлением мест из слова Божия, правил святых Апостол и святых Отец и из Духовного регламента, особливо до священства принадлежащих» (М., 1807) митрополита Московского и Коломенского Платона (Левшина). Но характер его догматико-литургический. Это скорее практическое руководство для пастырей, чем выдержанно-пасторологическое пособие. Прибавлением к «Сокращенному катихизису...» служат выборки из Новозаветного Писания, правил апостольских и соборных и формула присяги хиротонисуемых.

Первая богословская система по нашей науке в целом связном курсе составлена епископом Переяславским и Дмитровским Феофилактом (Горским) в 1770 г. и читана им студентам Московской Духовной Академии по 1774 год. Она озаглавлена «*Orthodoxae Orientalis Ecclesiae dogmata, seu Doctrina Christiana de credendis (pars I) et de agendis (pars II), usibus eorum, qui*

studio theologico sese consecrarunt addixeruntque, adornata accommodataque («Догматы Православной

Восточной Церкви, или Христианское учение о том, во что должно верить (часть I) и как должно действовать (часть II) тем, кто посвятил себя изучению Богословия, со всеми необходимыми для того сведениями»» (1-е изд.: Lipsiae, 1784) – и «посвящена Богу и Церкви». Хиротония, по мысли автора, продолжает акт избрания Спасителем служителей Церкви. В состав служения их входят: проповедь слова Божия, совершение Таинств и власть ключей, или полномочие вязать и решить грехи. Качествами священнослужителей являются: чистая совесть, понятие о Божественных вещах, искусство слова и неповрежденные члены тела. Искание священства недопустимо по целям корыстным, честолюбивым, и носителями его не могут быть человекоубийцы, блудники, моты, ростовщики, актеры, двоеженцы и запятнанные преступлением.

Призвание к пастырскому служению – субъективное и объективное. Субъективно его имеют искренно желающие послужить спасению других людей, и таинственный голос, зовущий их быть пастырями, принадлежит Господу. Объективно призываются к пастырскому служению достойные лица – в результате видимого избрания их иерархами Церкви с одобрения народа. Повторяя мысли, уже известные нам, о четырех пастырских должностях, Феофилакт далее много говорит о власти ключей, о малом отлучении от Причащения и великом отлучении от общения церковного. Свойствами, необходимыми пастырю, Феофилакт считает талантливый ум, добродетели, хорошее управление своим домом, скромные телодвижения, осмотрительную речь и опрятность одежды, поскольку внешнее выражает внутренние достоинства человека. Все приемы и средства пастырского служения у него коротко определяются словами пастырское благоразумие. Заканчивает он свой труд так: «Тебе, Пресвятый Боже, я обязан всем этим делом. Тебе я обязан силами, которыми Ты укрепил мою немощь; Тебе я обязан благодатным светом, которым Ты озарил мой ум... при Твоем же водительстве и помощи я его отот труд> окончил... Пусть будет он на пользу служителям Твоим!»⁷

План своей системы епископ Феофилакт заимствовал у <немецкого. – *Ред.*> протестантского ученого Иоганна Франца Буддеуса <J.-F. Buddeus (1667–1729). – *Ред.*>, равно и суждения о выборном начале в пастырской среде. Вся его работа – простая переделка протестантского сочинения.

В 1851 г. издана была новая система Пастырского богословия архимандрита Антония (Амфитеатрова), ректора Киевской Духовной Семинарии (см.: *Архимандрит Антоний (Амфитеатров). Пастырское богословие. Киев, 1851*). Она разделяется на две части. Первая содержит учение о пастыре: 1) строителе Таинств (см.: Еф. 4, 11–13); 2) проповеднике и учителе и 3) руководителе паствы. В начале первой части излагается догматическое учение о пастырском служении, его Божественном происхождении и бесконечном продолжении. Последнее положение архимандрита Антония неточно, так как, по мысли православной Догматики, пастырство будет существовать лишь до Второго пришествия Христа Спасителя. Вторая часть трактует о качествах, необходимых кандидату священства, физических и душевных, причем указываются общие человеческие добродетели, уместные более в системе Нравственного богословия, чем в Пастырском богословии.

Приготовление к священству, умственное и нравственное, имеет целью утвердить будущего служителя Церкви в истинах веры, благочестия, страхе Божиим и приличном поведении в обществе. Признаки призвания к пастырству отмечаются в рассматриваемой книге архимандрита Антония следующие: происхождение из духовного звания, духовное образование, любовь к священству, одобрение кандидата священства местным епископом. Здесь явно смешивается

⁷ Цит. по: *Иером. Иннокентий (Пустынский). Пастырское богословие в России за XIX век. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1899. С. 41.*

внутреннее и внешнее призвание. Перечислением желательных личных качеств пастыря дома, в гражданском обществе, пред властями церковными и светскими, среди причта своей церкви и прихожан система архимандрита Антония заканчивается. Ей недостает учения о самом служении пастырском. Для настоящего времени она окончательно устарела.

«Пастырское богословие» (1-е изд.: СПб., 1853) архимандрита Кирилла (Наумова) состоит из трех частей: 1) общего учения о священстве, 2) изображения пастырских свойств и обязанностей и 3) наставления о прохождении пастырского служения. Самая оригинальная, третья, часть книги решает вопрос о программе и методе учительства пастырей общественного и частного, о правилах общения с лицами преступными, скорбящими и заблуждающимися в истинах веры, об Исповеди и духовничестве. Сочинение архимандрита Кирилла, формально стройное и отчетливое, неверно определяет науку Пастырского богословия как только «изложение нравственных обязанностей пастыря»⁸, не упоминая об исполнении их.

Архимандрит Паисий (Пылаев), инспектор Казанской Духовной Академии в 1853–1854 гг., оставил науке два рукописных пасторологических труда: 1) «Заметки по Пастырскому богословию», где говорится главным образом о пастырском учительстве и духовничестве применительно к человеческим возрастам, состояниям веры, здоровья и в минуты смертной агонии человека, и 2) «О средствах против разного рода грешников и грехов». В этом сочинении намечаются меры парализования грехов и приемы воздействия на грешников, в конкретной личности каждого из них. Речь автора не блестящая, но ясная и отчетливая в изложении материала. К сожалению, лекции архимандрита Паисия общего плана не имеют и не систематизированы.

Преемником архимандрита Паисия по кафедре Пастырского богословия в Казанской Духовной Академии был профессор священник М.М. Зефирин, создавший план науки в следующих чертах: сказав об истории пастырского служения в Ветхом и Новом Заветах, об его трудности, Зефирин делит науку на три части. В первой трактует о телесных, умственных и нравственных качествах, необходимых пастырю. Вторая – Пастырская педагогика – определяет формы пастырского проповедничества и наставления взрослых, детей, маловерующих, суеверных, сомневающих и порочных; касается вопроса о тайне Исповеди, утешении скорбящих, больных и умирающих. Третья часть системы Зефирова – Пастырская литургика – наставляет пастыря о месте, времени и правилах священнодействия.

Устав духовных школ 14 мая 1867 г. соединил Пастырское богословие с каноническим правом. Образовался в итоге объединения новый предмет преподавания под именем «Практическое руководство для пастырей». Первый опыт «Практического руководства» дал профессор Киевской Духовной Семинарии П.П. Розанов (см.: *Розанов П.П.* Опыт курса «Практического руководства для пастырей». Киев, 1872). В его книжке нет ничего нового сравнительно с системами архимандритов Антония (Амфитеатрова) и Кирилла (Наумова). Притом он издал только первую часть учебника – теоретическую. Несколько дополнил

П.П. Розанова своим трудом черниговский священник, профессор протоиерей А.Ф. Хойнацкий в 1873 г. (см.: *Хойнацкий А.Ф.* Практическое руководство для священнослужителей при совершении церковных треб с указанием церковных правил и гражданских постановлений и принятых в церковно-богослужебной практике обычаев и постановлений. Чернигов, 1873. Ч. 1: О совершении Святых Таинств), сказавший о церковных правилах и гражданских постановлениях, о совершении Таинств Крещения, Миропомазания и Евхаристии.

Еще более полный курс «Практического руководства для пастырей» составил около 1873 г. иркутский протоиерей П.В. Громов (см.: *Громов П.В.* Уроки «Практического руководства для пастырей». Иркутск, 1873). Упомянутая книга касается вопроса происхождения и видов пастырского служения, пастырских качеств и практических обязанностей учить народ,

⁸ Архим. Кирилл (Наумов). Пастырское богословие. С. 5.

служить и молиться. Здесь – обилие канонического материала и церковно-гражданских законов и неполнота суждений о церковном суде. Кроме сочинения П.В. Громова, известны еще подобные руководства: 1) священника Ф. Хорошунова (см.: *Хорошунов Ф.* Практическое руководство для пастырей. Чернигов, 1879), не связывающего пасторологическую и каноническую <области. – Гед.> органически, и 2) П.И. Нечаева под заглавием «Практическое руководство для священнослужителей, или Систематическое изложение полного круга их обязанностей и прав» (СПб., 1884). Первоклассная книга П.И. Нечаева, к сожалению, слишком конспективна в обозрении догматической стороны пастырства и пастырского руководства пасомых. Недостатки ее восполнил своим трудом преподаватель Тульской Духовной Семинарии СИ. Покровский, давший «Практическое руководство для пастырей» в требуемой полноте основных частей (см.: *Покровский СИ.* Духовный пастырь по слову Божию: Опыт объяснения мест Святого Писания, изображающих нравственные качества пастырей Церкви и великую ответственность их за дело служения своего. Тула, 1887–1889. Вып. 1–2; *Он же.* Основные законоположения Православной христианской Церкви. Тула, 1890; *Он же.* Духовный пастырь по учению святых Отцов. Тула, 1892. Позднее все книги были переизданы под общим заглавием [см.: *Покровский СИ.* Курс «Практического руководства для пастырей». СПб., 1898]).

В Киевской Духовной Академии много потрудился для разработки Пасторологии профессор В.Ф. Певницкий. Известны такие его работы: «Священник. Приготовление к священству и жизнь священника» (1-е изд.: Киев, 1885), «Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан» (1-е изд.: Киев, 1890), «Священство. Основные пункты в учении о пастырском служении» (Киев, 1892).

Из профессоров Санкт-Петербургской Духовной Академии, потрудившихся в обработке Пастырского богословия, следует отметить протоиерея С.А. Соллертинского. Его сочинение «Пастырство Христа Спасителя. Часть основоположительная: Иисус Христос, Основатель христианского пастырства» (1-е изд.: СПб., 1887) рассматривает основополагающий момент в истории христианского пастырства и попутно критикует обычай русских пасторалистов смотреть на Пастырское богословие как на прикладную науку. В действительности пасторология, помогая практике пастырей, должна оставаться наукой, чуждой одного голого эмпиризма и беспринципности. Источником ее должна быть в первую очередь педагогика Писания. Экзегетика пастырских библейских мест – лучшие руководительные начала христианским пастырям Церкви – помогает в системах нашей науки охватить точное понятие о содержании пастырской работы. Вечная сущность в пастырском служении Христовом определяет собою всякую последующую пастырскую деятельность.

Искупление человечества, осуществляемое Сыном Человеческим (см.: Мф. 8, 20), как называл Себя Господь, является именно как пастырское учительство людей истинным понятиям и целям их деятельности. Сообщение истинных понятий – одна из сторон вечной сущности Христова пастырства. Господь прежде всего возвестил ученикам о Царстве Божием, его законах. Проповедь о Царстве Божием пастырей Церкви должна, по примеру Спасителя, обнимать собою слово и дело и совпадать с целью жизни христианина.

Недостатки теории С.А. Соллертинского в том, что отвлеченное понимание им пастырства заводит его в абстрактные сферы и заставляет откидывать деятельное перевоспитание человеческой личности под пастырским руководством. Отодвигая в тень пастырское душепопечение, С.А. Соллертинский из Христова пастырства делает абстракцию. Между тем в Пастырском богословии важна личность каждого верующего и важны меры для его укрепления на высоте христианского призвания. Пастырская педагогика выводится из живой действительности, окружающей совершение пастырского дела. Если для построения пасторологической системы необходимо изучать историю пастырства, то эта необходимость может касаться лишь моментов, разнообразящих ее выражение.

К<туду— *Ред.*> профессора протоиерея СА Соллертинского в некоторой степени примыкает работа архимандрита Бориса (Плотникова) под заглавием: «Записки по Пастырскому богословию» (Киев, 1891–1892. Вып. 1–4). По мысли архимандрита Бориса, Христос Спаситель может быть примером для пастырей, как Учитель. По Своему образу Он учит их относиться к личности спасаемых, влагать в них слово в виде семени, а не развитой истины, быть в методе учения естественно простыми, понятными, снисходительно-мягкими, нравственно безупречными. Нравственный характер пастырей, по примеру Христову, должен быть безупречен, исполнен сострадания, жертвенности. «Записки...» архимандрита Бориса имеют целью выяснить идеал пастырской нравственности и способ пастырствования среди пасомых.

Сначала они излагают основания пастырского служения в человеческом духе и всеобщность в человеческом роде. Затем в них следует речь о Божественном установлении и наименованиях пастырского делания в Библии, о призвании к пастырству, трудностях, радостях и наградах, сопровождающих пастырское душепопечение. В числе духовных качеств архимандрит Борис называет чтение Писания и размышление над ним, умственное самообразование, нравственное самовоспитание и уединенную молитву. Говоря о домашней жизни священника, «Записки...» определяют отношение пастыря к мирским удовольствиям и развлечениям, поведение его в обществе и сообразование с требованиями общественной жизни. Архимандрит Борис описывает в речи о пастырских посещениях прихожан, больных, скорбящих и нераскаянных грешников. В общем труд архимандрита Бориса – компилятивный. Написан он под влиянием <работ. – *Ред.*> профессора протоиерея С.А. Соллертинского, профессора В.Ф. Певницкого и английского американского. – *Ред.*> пасторолога Гоппина <J.-M. Hoppin (1820–1906). – *Ред.*>. Из сочинений по нашей науке ректора и профессора Казанской Духовной Академии архиепископа Волынского Антония (Храповицкого) следует упомянуть «Письма к пастырям о некоторых недоуменных сторонах пастырского делания» (подписаны псевдонимом С.С.Б., или Служитель слова Божия). Здесь автор с грустью отмечает факт слияния пастырей в литературе и жизни с народом. Пастырю рекомендуется в науке, благотворительности и воспитательной работе являться носителем евангельских идей, внутренне настроенным руководителем человеческой совести. Пастыря, настроенного самоотверженно и любовно к пасомым, излишне учить душепопечению, как излишне учить мать уходу за любимым ребенком. «Напряжение духовной любви» – плод «мучительного отречения от жизни для целей мирских и самоотверженного посвящения себя Богу». Перерождение пастырской души производит не пасторологический учебник, а испытания жизни, бичевание ее воспитательным жезлом Божьего Промысла при ненависти или непонимании паствы, при вражде родных по плоти и при клевете сослуживцев. Жизненные испытания смягчают души. «Смягчающее и смиряющее действие жизненных испытаний» отразилось даже на Апостолах.

Поэтому *сын громов* (ср.: Мк. 3,17), Иоанн Богослов, в своих посланиях учит спасаться одной любовью (см.: 1 Ин. 4, 7—21; 2 Ин. 1, 5–6); апостол Павел в мягком Послании к Филимону высказывает учение, отличное от глаголов посланий к Римлянам и Коринфянам. Таковы слова Петровы в его соборных посланиях (ср., напр.: 1 Пет. 1, 22; 4, 8). Испытания очищают испытуемых от примеси себялюбия и страстности, умерщвляют в них греховность и делают живыми для паствы. Ежедневное умирание от трудов, забот и печалей о пасомых есть мученическое полагание души за овец, какое видим, например, у святителей Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Филиппа II, митрополита Московского и всея Руси, преподобных Максима Исповедника, Максима Грека, у Патриарха Никона и других.

Пастырь должен идти в жизнь, изучать светскую мысль, светские идеалы, снисходить до настроения пасомых, идти за ними «по распутиям жизни», входить «в круг их понятий» и «оттуда собирать их на Христову пажить». Эта заповедь дана была Апостолам Спасителем;

пастырям эфесским – апостолом Павлом. Для пастырского влияния на светскую жизнь нужны, кроме знания этой жизни, пастырское учительство, молитва и пример⁹.

Позднее архиепископ Антоний (Храповицкий) в статье «Основные начала православного пастырства» проводит мысль, что предметом Пастырского богословия служит определение законов усвоения пастырской настроенности, ее развития и воздействия на жизнь прихода. Подкрепление на подвиг всецелого посвящения себя Богу и спасения ближних дается в Таинстве Священства. В нем пастырь получает утончение способности переживать скорби и радости пасомых сострадательною, чревоболеющею о них любовью. Пастырское богословие как раз и изучает свойства пастырского духа и способы наилучшей передачи пасомым духовного богатства¹⁰.

В статье «Из чтений по Пастырскому богословию» епископ Антоний доказывает ту идею, что «пастырское влияние основывается на таинственном общении» пастыря с паствой, через передачу последней своего настроения. Отдающий себя пасомым пастырь отождествляет себя с ними до существенного единства, подобного единству Бога Отца с Сыном (см.: Ин. 17, 11, 21–22)¹¹.

Говоря о пастырском призвании, архиепископ Антоний субъективными признаками его считает желание священства, любовь к пастырству и внутренний голос Божий, а объективными – пастырскую подготовленность¹². Русскому характеру свойственны недовольство собой и искание нравственного обновления. Подчинение этих стремлений пастырскому руководству развивает важные пастырские качества: «сострадание греховной немощи людей, скорбь о грешных людях и пламенеющее желание о приближении их и себя к Богу». Подготавливают к пастырству чтение слова Божия, святых Отцов, изящной литературы, особенно сочинений Ф.М. Достоевского, вместе с личным наблюдением жизни. Кандидату священства вместе с тем необходима выработка чистоты душевной, проникновение благочестием, молитва и борьба с замкнутостью¹³.

Главный недостаток поименованных работ архиепископа Антония – некоторая отрывочность, незаконченность разработки пасторологических вопросов, недостаток классической ясности речи и формулировок. Впрочем, речи его весьма интересные, жизненные и глубокие, хотя и неясно кристаллизуют конечные выводы из авторских предпосылок.

⁹ См.: *Архиеп. Вольнский Антоний (Храповицкий)*. Письма к пастырям о некоторых недоуменных сторонах пастырского делания // *Чтения в Обществе любителей духовного просвещения*. М., 1891, № 8–9. С. 186–229.

¹⁰ См.: *Архиеп. Вольнский Антоний (Храповицкий)*. Основные начала православного пастырства // *Архиеп. Вольнский Антоний (Храповицкий)*. О православном пастырстве. М., 1906. С. 17–18.

¹¹ См.: *Архиеп. Вольнский Антоний (Храповицкий)*. Из чтений по Пастырскому богословию // *Православный собеседник*. Казань, 1896, № 4. С. 430–431, 438.

¹² См.: *Архиеп. Вольнский Антоний (Храповицкий)*. О православном пастырстве. С. 32, 33, 36–37.

¹³ См.: *Архиеп. Вольнский Антоний (Храповицкий)*. О православном пастырстве. С. 38–39, 39, 39–41, 42–45.

Нравственно-практическая Пасторология в России за XIX в.

В 1840–1841 гг. А.С. Стурдза издал в двух томах «Письма о должностях священного сана» (Одесса, 1840–1841). Это – зрелый плод зрелых лет. Материал переписки разделен на семь книг.

Первая: здесь последовательно излагается история приготовления к священству и пастырству одного молодого человека, переписывавшегося со старцем. Святую волю Божию на свое служение в пастырском звании Александр (так звали молодого человека) узнает из слова Божия, из молитвы и из слов жизненных происшествий. Слово Божие то проникает в его душу, как меч, то навеивает на нее умиление, сокрушение и радость. Молитва располагает его отвернуться от себя и взять крест свой. События жизни предохраняют его от увлечений и пороков. Все это предвестия будущего призвания к пастырству.

Вторая: вот уже этот молодой человек – пресвитер отец Александр. Старец пишет ему в напоминание о правилах предстоящей деятельности его. Он должен оказывать почтение к старшему себя по летам. Храм, куда он был назначен, под влиянием теплой и искренней молитвы его неизмеримо расширялся и украшался осязательным присутствием Самого Бога на престоле алтаря. В переписке отец Александр описывает своему старцу первые шаги своего проповедничества и приходские столкновения. Старец успокаивает дух своего питомца: только советует ему при совершении Таинств быть нерассеянным, внятно читать и петь, а в храме поддерживать порядок и тишину.

Третья: исповедальная практика отца Александра, по мысли старца, должна приспособляться к разрядам кающихся: беспечным лицам, колеблющимся и впадшим в отчаяние. Дальнейшие книги А.С. Стурдзы излагают пасторологические положения в такой последовательности: четвертая книга содержит указания о проповеди слова Божия, пятая – о законоучительстве, шестая – об обращении с людьми, седьмая – о знании благовестника, или миссионера.

Эпистолярная форма изложения придает труду А.С. Стурдзы чрезвычайную увлекательность и жизненность. Здесь каждый оборот речи есть сама жизнь, движение, искреннее чувство и любовь к человечеству. Чтение пастырских писем разливает в душе читателей мягкий, ласкающий свет веры и надежды на Бога. Изящный слог, жизненное употребление текстов, обилие психологических наблюдений делают письма интересными и теплыми. Недостаток их – отсутствие логической системы в изложении. Повторения, сбивчивость и неосновательность некоторых суждений, ригоризм и малодушие пастырское в отношении исправления грешников.

«Памятная книжка для священника, или Размышления о священнических обязанностях» (М., 1860) приписывается перу архиепископа Костромского и Галицкого Платона (Фивейского). На самом деле он перевел лишь, с некоторыми переделками, сочинение католических <армяно-католических. – *Ред.*> монахов (мхитаристов) под заглавием «*Memoriale vitae sacerdotalis, seu Summi Pastoris Iesu Christi piissima monita ad Ecclesiae Suae pastores aliosque sacerdotes*» («Напоминание, касающееся священнической жизни, или Сладчайшие увещания Верховного Пастыря, Иисуса Христа, пастырям Его Церкви и другим священникам»)» (2-е изд.: Vindobonae, 1857).

Здесь автор патетически, как оратор, проповедует на 340 страницах, деленных на 63 главы, учение о важности и трудности пастырства. Встречаются главы несколько странные: «О стенаниях священника во аде, о Небесной славе, о ежедневном служении Литургии», «О благоговении к Пресвятой Богородице», что к пастырству органически не относится. Есть совет в разбираемой нами книге, чтобы ежемесячно один день посвящался им <пастырем – *Ред.*> на приготовление к смерти. Для этого рекомендуется пастырю заключаться в уединенную ком-

нату, размышлять о смерти, ошутительно испытывать совесть и рассматривать могущее тревожить в час смерти.

К сожалению, «Памятная книжка...» неизвестна питомцам духовной школы. Католическая окраска, не совсем изглаженная здесь переводчиком, ждет своего дальнейшего исправления.

«Напоминание священнику об обязанностях его при совершении Таинства Покаяния» (Кострома; М., 1859–1861. Ч. 1–2) принадлежит архиепископу Костромскому и Галицкому Платону (Фивейскому). Труд этот выдержал уже три издания (3-е изд.: М., 1896. Ч. 1–2) и акт Исповеди рассматривает не только пасторологически, но и с точки зрения догматической, литургической и канонической. Живой и легкий язык, множество житейских примеров из опыта делают книгу архиепископа Платона ценным пособием для пастырей.

В 1862 г. священник М.С. Боголюбский издал сочинение под заглавием «Православный священник при постели больных и умирающих» (М., 1862) и делится здесь с пастырями своим опытом напутствия пасомых.

Уменьшенный список содержания писем А.С. Стурдзы в 1860 г. дал священник Н.Г. Богословский, издав свой труд под заглавием «Взгляд с практической стороны на жизнь священника. Письма отца к сыну» (СПб., 1860). Автор берет личность священника как обыкновенного человека, хотя в первой части книги находит нужным указать также высоту, важность и трудность служения пастыря. Из предпосылок делается вывод о необходимости для пастыря безупречной душевной чистоты, поста и борьбы со страстями и пороками прихожан.

Во второй части книги говорится о выборе священником прихода, жены, о домашней жизни священника, об его наружности, одежде, о поведении в храме, отношениях к причту, требоисправлениях и о помощи бедным. Это – простые правила достойного образа действий среди новой обстановки. Пробелом книжки является отсутствие указаний, касающихся отношения пастыря к духовным и гражданским властям. Неверна мысль Богословского о прекращении непосильной борьбы со злом в прихожанах. Ценны его мысли о режиме пастырской жизни дома и поведении в храме.

В 1874 г. протоиерей Е. Попов издал «Письма по Православно-пастырскому богословию» (1-е изд.: Пермь, 1874; 2-е изд., испр. и доп.: Пермь, 1877. Ч. 1–4). Он искусственно придал своим мыслям эпистолярную форму изложения и, опустив теоретическую часть, прямо переходит к практической стороне пастырского служения. У протоиерея Е. Попова явное подражание А.С. Стурдзе в распределении материала по семи отделам. Мысли его текут в следующем порядке: разобрав соображения против пастырского служения, он говорит о пастырском проповедании слова Божия во всех видах, о внебогослужебных собеседованиях и затруднениях пастыря-проповедника на практике (1-й и 2-й отделы). Следующими предметами его рассуждений являются законоучительство в школах, устройство церковных библиотек и письмо-водства, совершение богослужений и треб, воспитание духа благоговения в самом пастыре и, наконец, духовничество. От действий в храме и школе протоиерей Е. Попов переходит к описанию посещений пастырем прихожан. Здесь он ярко изображает пастыря участвующим в горе и радости семейств, приготавливающим к Таинствам отдельных пасомых и следящим за ними. Заканчивает свою книгу автор речью о примерном поведении пастыря в храме, приходе и дома (в отношениях к жене и детям и в своем кабинете).

В общем эта книга весьма полезная и интересная для пастырей.

Ниже ее по ценности стоит труд священника А. Недельского «Братский совет новорукположенному в сельский приход священнику: Опыт "Практического руководства для пастырей"» (Киев, 1883). Здесь нет ни прагматической, ни логической системы, много вульгаризмов в речи, но немало ценных пастырских наставлений.

Взгляд на пастырство как на мученичество нашел для себя специальное развитие в книге игумена Тихона (Ципляковского): «Святое, высокое служение иерея Божия (мирянина

и монаха) – добровольное мученичество» (М., 1894)¹⁴. Подобное воззрение на пастырство есть евангельское воззрение. Господь, умерший за спасение людей на Кресте, заповедал и пастырям души свои полагать *за овец* (ср.: Ин. 10, 11). Сочинение игумена Тихона состоит из предисловия, девяти глав и заключения. Главные, интереснейшие положения, раскрываемые автором, можно представить в следующем порядке. Пастырское настроение складывается из двух элементов: сознания высоты священства и личного недостойнства. Отсюда для него неизбежно непрерывное подвижничество. В слове Божиим и творениях святых Отцов легко отыскать места о мученичестве пастырей.

Самые имена, прилагаемые в Писании к пастырям: *иерей Божий* (ср.: Евр. 7, 1), *служитель Слова* (ср.: Лк. 1, 2), *Ангел Божий* (ср.: Гал. 4, 14), – показывают необходимость подвига для носителей таких высоких имен. Свои мысли автор подтверждает выборками соответствующих мест из творений святителя Тихона Задонского, блаженных Иеронима и Августина, святителя Иоанна Златоуста, преподобного Исаака Сирина и из трудов епископа <святителя. – *Ред.*> Феофана Затворника. Главной обязанностью пастырей игумен Тихон считает словесное учительство.

В сущности, книга о пастырском мученичестве представляет сборник мест библейских и святоотеческих, умело сгруппированных и искусно выбранных и подтверждаемых сильными примерами. Успех пастырского делания, согласно этим свидетельствам, является следствием благодатной жизни самого пастыря. И священство не есть ремесло, а добровольное пожизненное мученичество.

Превосходные мысли о христианском пастырстве можно еще находить в сочинении отца <праведного. – *Ред.*> Иоанна Кронштадтского: «Моя жизнь во Христе» (1-е изд.: М., 1891). Отец Иоанн в поименованном дневнике описывает свою борьбу со грехом и благодатные утешения свыше. В пасторологическом отношении дневник кронштадтского пастыря чрезвычайно ценен.

¹⁴ Достоверно известно, что эта книга «писана по указанию высокоученого подвижника святителя Феофана <Затворника. – *Ред.*> и под непосредственным руководством его» (*Прот. Иоанн Кобяков* [О книге игумена Тихона] // Богословский библиографический листок: Прил. к журналу «Руководство для сельских пастырей». Киев, 1895. Вып. 6–7. С. 169); по выходе книги святитель писал автору: «Очень рад, что труд Ваш одобрен и будет в ходу. Он есть очень сильное напоминание иереям Божиим... *Е. Феофан*» (Там же. С. 169–170). – *Примеч. ред.*

Основы пастырства как богоустановленного института

В русской пасторологической литературе существуют, как показало обследование работ по нашей науке, два течения: «протестантское» и «католическое».

Первое отмежевывает в свою область вопросы о сущности христианства, Царстве Божием и земной жизни Господа Спасителя. Ввиду малого опыта специально пастырской настроенности «протестантское» течение делает сомнительным право Пастырского богословия на научную самостоятельность.

«Католический» тип пасторологической системы подробно перечисляет и описывает пастырские свойства и обязанности и носит характер формальный и схоластический. Конечно, схоластика не ложь, а лишь нежизненная отвлеченность. Поэтому в пастырских системах богословия с католической окраской обязанности пастыря не связаны в одно целое, в одно живое настроение. И опыты подобного богословствования слишком общи и малопрактичны.

На нормальный путь исследования ставят науку Пастырского богословия святоотеческие трактаты о пастырстве. Выдающиеся из них: шесть слов святителя Иоанна Златоуста «О священстве», толкования его же на послания апостола Павла, преимущественно на послания к Коринфянам и пастырские; третье слово <так называемое «О бегстве». – *Ред.*> святителя Григория Богослова; «Слово к пастырю» преподобного Иоанна Лествичника. Из западных святых Отцов нельзя не упомянуть следующих пасторологов: святителя Григория Двоеслова с его «Правилom пастырским», святителя Амвросия Медиоланского, автора книги «Об обязанностях священнослужителей», и блаженного Иеронима Стридонского, написавшего <книгу. – *Ред.*> «О жизни клириков». Можно находить материал по нашей науке также у преподобного Симеона Нового Богослова, у русских святителей Димитрия Ростовского, Тихона Задонского и других.

Все святоотеческие творения рисуют цельный образ пастыря с его самосознанием, переживаниями и освещением видов его служения. С этой точки зрения и должна строиться наука Пастырского богословия, соображаясь не с одними идеальными мотивами, но и с современным состоянием пастыря. Она имеет задачей показать и идеал пастырства, и путь достижения его. Было бы схоластичным обязанности и свойства пастыря рассматривать в отношении к Богу, ближним и себе. Цельные переживания пастырской личности неделимы по рубрикам и ведут последователя к неизбежным повторениям, натяжкам. Естественнее держаться предметного метода в рассмотрении пастырского служения со стороны духовной жизни пастыря и вопроса о том, каков должен быть пастырь.

Предмет науки пасторологической совершенно самостоятелен. Это особый институт пастырства в Церкви, имеющий особые полномочия, задачи и собственную психику.

Как сложная жизнь неизбежно разветвляется на частные виды, так и глубокое отношение ученых к вопросам знания дифференцирует науки даже в области какой-либо обширной отрасли знания, вроде медицины.

Подобным образом сама общественная жизнь, в силу простого разделения труда, выделила из себя специальный класс руководителей религиозной общественной жизни. Самый факт существования названного класса людей дает ему <классу. – *Ред.*> право быть специальным предметом науки.

Теперь и количество пастырей в мире достигает цифры в несколько сот тысяч человек, и значение их в истории запечатлено силой особенного авторитета. Необходимость пастырства в жизни человечества находит не только практически-бытовое оправдание, но и обоснование историко-психологическое.

История религий свидетельствует, что у самых диких народов были жрецы. Эта истина столь несомненна, что иногда ею объясняют самую религию как вымысел корыстолюбивых и

властных жрецов, хотя религия изначально факта жречества. Библия точно так же учит об исконности пастырства в форме патриаршества, специально иерархического Левиина колена, и в виде свыше уполномоченных на пастырское служение Пророков. Ветхозаветный строй религиозной жизни еще более закреплён христианством до наших дней включительно.

Всеобщность пастырства, помимо своей знаменательности, характерна психологической обоснованностью.

Класс пастырей существует не по одной практической нужде в нем, но и вследствие всеобщего сознания людьми личной греховности. Эта мысль подтверждается у историков религии ссылкой на присущее каждому человеку инстинктивное покаянное чувство. Религиозным преданиям всякой формы религии свойственны воспоминания о золотом веке первобытной жизни, отнятом у людей за их грехопадение. Религиозно-богослужебные гимны запечатлены характером скорбности во всех религиях, не исключая и христианство. Естественное сознание своей виновности пред Богом сопутствуется обычно у человека другим аналогичным чувством – собственному недостоинству к непосредственному общению с разгневанным Богом. Отсюда всеобщая нужда человеческих душ вызывает на поле пастырской деятельности посредников и ходатаев между грешным народом и Богом. Такая психология издревле отмечалась, а позднее выразилась у израильского народа предсинайским законодательством. Наступление тогда момента чрезвычайно близкого общения с Богом побудило евреев в страхе и сознании своего недостоинства просить Моисея быть посредником между ними и Богом. Подобное настроение Израиля было угодно Богу (см.: Исх. 19–20). Он сказал Моисею: *Хорошо то, что народ говорил тебе* (ср.: Втор. 18, 17).

Сознание нужды в посреднике Господь признал нормальным, правильным настроением падшего человечества. Потерявшие блаженство непосредственного богообщения в силу гордости могли воротиться к нему только обратным путем смирения. Нужда же в посреднике именно показывала это свойство смирения в кающемся человечестве.

С другой стороны, потребность язычников и иудеев в ходатаях пред Богом отображала нужду всеобщую в Господе Искупителе, – *чаянии языков* (ср.: Быт. 49, 10; Ин. 1, 45). Поэтому в контексте речи книги Второзаконие после слов: *Хорошо то, что они <то есть евреи> говорили* (Втор. 18, 17) – следует пророческое откровение: *Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты <Моисей>, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему* (Втор. 18, 18). Эти слова, несомненно, относятся к Господу Иисусу Христу, как их протолковал и апостол Павел (см.: Евр. 12, 24). Протестантское возражение о ненужности в христианстве посредников, кроме *едина ходатая Бога и человеков, человека Христа Иисуса* (ср.: 1 Тим. 2, 5), с точки зрения указанной только что нормативной психологии смирения оказывается вовсе не твердым. Как раз в христианстве все проникнуто чувством смирения верующих: и вера их в Спасителя, и нравственное совершенство, и весь быт Церкви. Без смирения – нет спасения (см.: Пс. 149, 4). Пастырство же – именно условие смирения христиан и смиренного послушания их подобному человеку.

Истинный христианин, смиренно настроенный, всегда желает подчиняться пастырскому авторитету не под влиянием ветхозаветного рабского страха и вынужденно, а под влиянием сыновней, благоговейной любви и добровольного смирения. У протестантов, с падением истинного христианского настроения и смиренного послушания пастырям, естественно возникло стремление снять с себя тяжелую опеку католического духовенства. Несмотря на это, протестанты оказались бессильны против своей инстинктивной психологии. Учредив вновь пастырский институт в своей среде, они только ограничили его право и низвели его до состояния простого служебного класса, подчиненного общине и уполномочиваемого ею. Впрочем, и в протестантстве у простого народа пасторы пользуются значением почти таким же, как у иерархических христиан. Почитание своих руководителей сектантами достигает подчас изуверского обожения, как это заметно было, например, у «чуриковцев» <псевдоправославная секта «трез-

венников». – *Ред.*> по отношению к «братцу» Иванушке <И.А. Чуриков (1861 – после 1930), основатель секты. – *Ред.*> и у баптистов по отношению к ленинградскому Фетлеру <В.А. Фетлер (1883–1957), протестантский идеолог. – *Ред.*>.

В новозаветном христианстве любовно-смирненное послушание верующих своему пастырю, угодное Господу, вполне оправдывает бытие самого института пастырства. Пастырство действительно нормативное явление и субъективно законно, как вызываемое общечеловеческой внутренней потребностью.

Уверенность в действительном значении посредников между народом и Богом, судя по данным истории религий, покоилась на выделении из толпы пастырей исключительной чистоты – достоинством почтенного возраста и тому подобными свойствами. Народ полагал, что чистых и нравственно достойных Бог скорее послушает, чем обычных грешников. Идея чистоты лежала как в правилах жизни языческого жречества, так и в законах о левитах и их семейной жизни (см.: Лев. 4, 3; 21, 9; Втор. 22, 20–21). В христианстве совершенная нравственная чистота предъявляется уже ко всем верующим, тем более пастырям. Епископ прежде всего должен быть *непорочен* (1 Тим. 3, 2). И Апостолам Господь говорил: *Тако да просветится свет ваши пред человеки* (Мф. 5, 16). Языческое и иудейское инстинктивное сознание дерзновенного значения пред Богом пастырской чистоты прояснено вполне лишь христианством.

По объяснению святых Отцов Церкви, Божественным началом, посредствующим между Богом и людьми, является Дух Святой своими действиями или «энергией» (святитель Григорий Палама а) благодатной. Благодать Святого Духа даруется способным воспринять ее. Она дана сначала святым Апостолам, в День сошествия на них Святого Духа, а после – преемникам их, нравственно чистым, святым пастырям Церкви.

Но в таком случае возникает вопрос, почему в Ветхом Завете выделено Левино колено, имевшее с достойными и недостойными служителями Божиими? И если совершенная чистота – общехристианское требование (см.: Мф. 5, 48) и все могут быть облагодатствованы богообщением, то нужны ли особо облагодатствованные посредники между Богом и народом? На это ответим: до Пришествия Христова и после были исключительно высокие в нравственном отношении лица из простых верующих, например Пророки, харизматики и вообще святые. Но они являлись не в отрицание, а при параллельном существовании левитов и пастырей. Исключительность подобных людей приводит к идее о необходимости учреждения постоянного класса посредников. Уровень нравственного совершенства среди христиан низок. Но и независимо от степени святости и облагодатствованности в Церкви мирян, идея подбора особенно достойных лиц для посредничества имеет свою силу и в другом отношении.

Богоизбранное в Ветхом Завете Левино колено обязано было особенно готовиться к прохождению своего специального служения. По этому же закону кастовости наше духовенство из поколения в поколение воспитывало достойных служителей алтаря целые века. Каста пастырей в Ветхом Завете стабилизировалась из-за невысокой нравственности народной массы. После же Боговоплощения и особенно излияния Святого Духа на Церковь, выбор достойных кандидатов в пастыри сделался легче. Но и теперь иногда встречаются пастыри недостойные, низкие. Благодать Божия изливается чрез них на верующих как дар милости по вере обращающихся.

Сообщение благодатных Даров при таких условиях объясняется идеей экономии в Домостроительстве спасения и идеей Церкви.

Для спасения грешных Господь – Всесовершенный Дух – воплотился и тем Себя *уничтожил, умалил, истощил* (ср.: Флп. 2, 7). Плототворящий Себя Дух, как выразился преподобный Макарий Египетский¹⁵, снизошел тем как бы до некоего компромисса в акте спасения и

¹⁵ См.: *Прп. Макарий Египетский*. Духовные беседы, послание и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях. 4-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 406.

сообщил воссозданию человечества характер смешанный. Благодать стала являться <там. – *Ред.*>, где грех, и больное человечество пошло к оздоровлению своему путем сверхъестественным, иррациональным. Так иногда горькие лекарства, сыворотки, яды в малых дозах целебны. Такое *немудрое Божие* (1 Кор. 1, 25), крест для разума (см.: 1 Кор. 1, 18) видны и в действии благодати Божией чрез недостойных пастырей. Пред Господом – *все нечисто* (Агг. 2, 14). И для влияния благодати чрез недостойных пастырей на недостойную паству необходимо было домостроительное самоумаление благодати. Путей этого уничижения было два: или всем дать преизбыток благодати Духа, или немногих несовершенных, ради экономии спасения, сделать посредствующими органами.

Поскольку всех святыми сделать было невозможно механически, то благодать была дана немногим. В основу пастырского дарования была положена именно идея Домостроительства. Сами пастыри, нерадящие о развитии пастырского дара, не награждаются при сообщении благодати пасомым и, наоборот, подлежат строжайшему суду Божию. Но пасомые при наличии пастырства удерживаются в благодетельном настроении смирения. Наделение всех преимуществами повело бы к массовому надмению, ввиду склонности людей гордиться. «Равенство, – говорит Златоуст, – часто доводит до ссор»¹⁶. По словам святого Григория Богослова, «и в Церквах... Бог постановил, чтобы одни... оставались пасомыми и подначальными, а другие, стоящие выше прочих по добродетели и близости к Богу, были пастырями и учителями»¹⁷. Потому-то неиерархичное протестантство выделяется гордостью, индивидуализмом, чувством собственного достоинства. Наоборот, подчинение пастырскому авторитету требует смирения подчиняющихся, особенно когда пастыри нравственно худы.

Нравственно-мистическое обоснование бытия специального пастырского института с точки зрения экономии Домостроительства и идеи Церкви оправдывает деятельность в Церкви пастырей, не выделяющихся особенно нравственностью. Они наделены полномочиями, правами и дарами благодати по Божию допущению. Для руководства другими всякому пастырю дается особая благодать. Отрицание ее протестантами и сектантами совершенно тенденциозно.

Богооткровенное учение положительно свидетельствует о Божественном новозаветном учреждении особого класса пастырей. Догматико-экзегетическое оправдание пастырства можно усматривать в самом установлении его Иисусом Христом.

Избрание и выделение Господом из среды верующих двенадцати из семидесяти Апостолов сопровождалось воспитанием их для особой церковно-общественной деятельности. С этой целью Господь Спаситель избранным Апостолам преимущественно открывал тайны Царствия Божия. Воскресши из мертвых, Он *в продолжение сорока дней* являлся им и говорил о Царстве Божием (см.: Деян. 1, 3). Затем Апостолы были наделены исключительными полномочиями проповедовать Евангелие Израилю и всему миру (см.: Мф. 28,19), «вязать и решить грехи» людские (см.: Мф. 16,19; 18, 18). Сообщение «власти ключей» и пастырских прав было сделано Спасителем чрез дуновение. *Иисус. дуну и глагола им <Апостолам>: пришлите Дух Свят* (Ин. 20, 21–22). Специальный дар пастырской благодати выделил Апостолов из среды прочих верующих. В отличие от простых верующих пастырям усвоена была благодать прощать и вязать грехи, отворять и затворять врата Царства Небесного. *Как послал Меня Отец, – говорил Апостолам Спаситель, – так и Я посылаю вас* (Ин. 20, 21). Как Господа дело Искупления или дело пастырства ставило в исключительное отношение к миру, так и святые Апостолы стоят к спасаемым в подобном же отношении.

Протестанты против специальности пастырского благодатного дара выдвигают два возражения.

¹⁶ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. СПб., 1903. Т. 9. С. 775.

¹⁷ Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 1. С. 13.

Первое. «Нельзя, – говорят они, – распространять названный дар на апостольских преемников». Но ложность их мысли самоочевидна, если вспомним о наличии в мире грешников, требующих очищения и непросвещенных язычников. Подобные лица нуждаются в апостольских преемниках для своего очищения. Поэтому Господь, посылая одиннадцать учеников проповедовать и крестить, прибавил: *И се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Апостолы не жили до скончания века на земле, жить должны их преемники.

Второе неверное суждение протестантов «о всесвященстве» опирается на своеобразное понимание ими слов апостола Петра: *Устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить... жертвы, благоприятные Богу* (1 Пет. 2, 5). Тенденциозно усматривающие в приведенных словах отрицание пастырского института сталкиваются в пятой главе того же послания апостола Петра с совершенно ясными словами противоположного значения: *Пастырей ваших умоляю я, сопастырь... пасите Божие стадо, какое у вас... не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду... младшие, повинуйтесь пастырям* (1 Пет. 5, 1–3, 5). По смыслу речи пресвитеры, или старшие, противопоставляются пасомому стаду и увещиваются пасти его смиренномудренно, без увлечения своими правами. Отсюда здесь не отрицание, а ограничительное утверждение пасторских полномочий, а о всесвященстве ни слова. *Царственное священство* (1 Пет. 2, 9) у Апостола означает вовсе не всеобщее пастырство, а только жертвоприношение Богу своей чистоты чрез *отложение всякой злобы, всякого коварства, лицемерия, зависти и всякого злословия* (ср.: 1 Пет. 2, 1), что и есть *духовная жертва святого священства* (ср.: 1 Пет. 2, 5). Адресуясь с посланием к обрезанным малоазийским пришельцам, апостол Петр, говоря ветхозаветным языком, естественно сравнил христиан со священниками, приносящими Богу жертвы уже не плотские, а духовные (см.: Евр. 9, 1–28). Сама по себе аналогия «священства» Израиля должна быть понимаема как изображение нравственного освящения израильского народа путем исполнения заповедей Божиих. В этом смысле Господь говорит Моисею о современных <Моисею. – Ред.> евреях: *Вы будете... царством священников, народом святым* (ср.: Исх. 19, 6) – и отличает их от классовых священников. Подобное толкование следует прилагать и к приведенным выше словам апостола Петра. Говоря вообще, вопреки тенденциозно-гордой протестантской и сектантской мысли, пастырство есть специальный класс людей, который *Дух Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога* (Деян. 20, 28).

Апостолы ставили себе особых преемников, а те продолжали хиротонии. Пастырский авторитет всегда признавался всеми Отцами Церкви и отрицался лишь сектантами и раскольниками.

Итак, пастырство может быть предметом науки в силу данных истории, психологии, мистики, догматики и экзегетики.

При самостоятельности пастырского института и настроение пастырей отличается своими особенностями. Самосознание, самочувствие и переживания пастырей вытекают не из одной практической деятельности или из внешнего служения, а из внутренней устроенности или пастырского аскетизма.

Последний разнится от общего аскетизма, составляющего предмет специальной науки.

Сам по себе христианский пастырь облечен специальными обязанностями быть посредником между Богом и людьми. Так на него смотрят миряне, и таким он чувствует себя. Его привилегия и полномочие посредствовать в облагодатствовании людей выделяют его психику из обычного внутреннего склада, свойственного заурядной верующей массе. Под влиянием исключительных прав у него вырабатывается личная характерная настроенность, совершает ли он Таинства, и особенно Евхаристию, дерзновенно ли молится за богослужением или пастырски благословляет пасомых. Тожественные полномочия приносят в пастырскую душу своеобразные переживания, решительно не сводимые ни на какую общую психологию. Посредничество перед Богом существенно определяет и самые отличия пастырской аскетики.

С другой стороны, и душепопечение, или руководство людей ко спасению, вносит свой элемент в души заботящихся о пастве. Правда, и миряне должны заботиться друг о друге и о себе – в смысле спасения. У пастыря попечение о спасении других находится в основе его отношений к пастве, к своей семье и к самому себе. Сознание жизни, отданной всецело другим, окрашивает собою все общие и частные пастырские переживания. Заботиться пастырю о спасении других необходимо в силу Божественного права, а не по евангельскому совету и не для сверхдолжной заслуги.

Сравните самочувствие двух проповедников: пастыря и какого-либо мирянина. Мирянин не обязан проповедовать и разрешение на этот частный вид церковного руководства людей получает от пастыря – за его ответственностью и полномочием. В то же время сам пастырь является свыше освященным благодатным проводником Божией воли. Наставление пасомых – его прямая обязанность и право. Это чувствуют миряне. И если к светскому проповеднику они настроены более критически, как равные к равному, то от пастыря смиреннее принимают увещания и обличения, смотря на него как на голос Божий в Церкви. По характеру проповедь светского человека в Церкви большей частью представляет спокойное, нередко отвлеченное, изложение христианских истин. Между тем в проповеди доброго пастыря заметны отеческая забота, родительская жалостливость и желание раскрыть предмет слова для пользы родных детей. И все истинно пастырское руководство проникнуто чувством духовно-родительской любви. Поскольку духовное руководство – это право и обязанность служителя Церкви – требует еще педагогического опыта, постольку пастырская педагогика должна занять в системе Пастырского богословия первостепенное место.

В связи с этим следует пастырские свойства оценивать не по их существу, а с точки зрения воздействия на пасомых. Например, смирение должно рассматриваться пасторологом в виде средства успешнейшего воспитания духовно больной паствы и при коллизии смирения с необходимостью твердой власти. Разрешение подобных вопросов не может не интересовать всякого духовного воспитателя паствы с научной точки зрения.

Далее, общеаскетические переживания у пастыря приобретают свою оригинальнейшую выразительность. Все христиане молятся, но пастыри молятся пастырски. Мироотреченное настроение присуще всем членам Церкви, но пастырский аскетизм резко колоритен. Пороки пьянства, разврата, гнева и другие, нетерпимые и в мирянах, в пастыре сугубо недопустимы. Это потому, что пастырь, образец, пример пасомым, должен нравственно быть выше их. Он, преимущественно занятый вопросами религиозно-нравственными, должен быть чище мирян, <должен. – Ред.> острее и глубже переживать все благодатное и <быть. – Ред.> более ответственный за свои поступки, чем миряне.

Святой апостол Павел от кандидата на священнослужение и пастырство, в сущности, требует общехристианских проявлений доброй деятельности (см.: 1 Тим. 3) – только в высокой (единобрачие), идеальной степени.

Из сказанного выше о пастырстве сделаем общие выводы:

- 1) в основе науки Пастырского богословия лежит пастырская аскетика;
- 2) она анализирует пастырское настроение и указывает условия для его образования;
- 3) главные условия создания пастырского настроения:
 - а) исключительное, благодатное посредничество пастыря;
 - б) обязанность и право заботиться о спасении других;
 - в) педагогическая точка зрения на свою деятельность;
 - г) высота религиозно-нравственных требований, предъявляемых к пастырю;

4) отличие Пастырского богословия от прочих богословских дисциплин заключается в том, что в нем центр тяжести лежит в личности пастыря и пастырской психологии. В других же науках богословского характера истины богословия рассматриваются отвлеченно от пастырских переживаний.

Сравнительно с этикой и высшим ее видом – общей аскетикой – Пастырское богословие раскрывает общий подотдел общей аскетики, относящийся к частной пастырской психологии. Здесь наша наука сближается с наукой старчества, или педагогической аскетикой. Из общей духовной педагогики она заимствует специально пастырские переживания преимущественной любви, права и обязанности нравственного воспитания пасомых и другое и наблюдает во всех видах пастырского служения отпечаток личности пастыря. Исходя из такого построения своей научной системы, русские и западные пасторологи считают ее практически завершающей и осуществляющей данные прочих богословских дисциплин. Отсюда ими вводятся подотделы пастырской литургики, каноники, катехетики и прочее и рассматриваются частные стороны пастырского служения. Все это, конечно, полезно неопытным пастырям, но полезно неглубоко – по внешней рецептивности указаний. На характер раскрытия научной пасторологической системы названные приложения влияют, в общем, нежелательно, так как ведут к уклонению от существа предмета повторением одного и того же и к дроблению привносимого материала.

Ввиду этого во главу угла нашей науки поставим рассмотрение свойств пастырского настроения, наиболее типичных для различных видов пастырского служения. Общая цельная психология пастыря легко приложима к освещению частных сторон пастырской работы в живой действительности. Первоначальнее всего пасторологу важно изобразить проникновение пастыря идеальными свойствами и претворения их в его органическое достояние.

Правда, пасторология более практична, чем принципиальна, затрагивает область пастырского искусства, опыта, подвига, едва уловимых в разнообразии психических переживаний и с трудом подводимых под категорию точных общих правил. Но она не лишена возможности, стоя на почве психологии и жизни пастырей, формулировать законы пастырства с обоснованием их наблюдениями над церковной жизнью. Здесь всякая речь о деле и всякая теория подготавливают к практике и предупреждают ошибки деятелей на ниве пастырства. Говоря кратко, значение науки Пастырского богословия отчасти созидательное (конструктивное) и отчасти направляющее (регулятивное). Пастырское богословие сообщает умение пастырски действовать, влиять на психику и жизнь других людей и в этом смысле носит в себе задатки творчества.

При этом нельзя не оговориться и не сказать, что бывают добрые пастыри-самородки, развившие свои дарования не в результате науки, а чрез ревностный личный подвиг жизни. Отец Иоанн Кронштадтский окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию одним из последних студентов. Он обязан в создании своего выдающегося подвижнического настроения главным образом собственному подвижничеству, практической подготовке к делу, серьезному религиозно-нравственному воспитанию и личному возгреванию в себе пастырских свойств. Вообще, истинно пастырский прочный идеализм воспитывается прежде всего подвижничеством и исполнением уставов Церкви, что укрепляет в пастырях веру, любовь и дух церковности.

Но и Пастырское богословие усиливает в изучающих его любовь к пастырству, отражаясь в них, как и всякое знание в изучающих науку. Оно верно формулирует законы идеальной, надлежащей (нормативной) психологии пастыря и тем регулирует его естественную психологию. Под контролем общих принципов Пастырского богословия у пастыря на практической жатве человеческого спасения вырабатывается индивидуальная пастырская психика.

Трудность установления общих законов в области пастырской аскетики не есть невозможность. Основание для обобщения и формулирования основных законов пастырской психологии заключается в существенной общности психологии пастырской с христианской психологией. Эта общность позволяет отметить типичные формы пастырской деятельности, ее главные особенности и виды, тем более что слово Божие и творения святых Отцов уже точно отметили свойства идеальной, святой, и падшей человеческой души. Личный духовный опыт каждого пастыря дает возможность, отчасти интуитивно, понимать надлежащее пастырское настроение без специально точной его формулировки. Святоотеческие творения, описываю-

щие переживания Отцов Церкви, связанные с пастырством их, дают критерий для проверки тезисов и выводов пасторологии и придают им авторитетность.

Часть первая

Пастырь пред хиротонией и по рукоположении

Приготовление к пастырству

Идеал христианского пастыря навеки дан в Лице Господа Спасителя. Возвысится ли кто за поисками высшего идеала к звездам небесным, сойдет ли в глубины морские – другой подобной чарующей красоты Небесного облика, как у Спасителя, не найдет нигде. В Первопастыре Христе, как Первосвященнике, – совершенство пастырей, желательный элемент их создания, образец жизни и сама жизнь их. Самые имена Господа, как читаем в одной рукописи XI в., говорят о способах пастырского подражания Ему. Он – Помазанный елеем, Назорей, Сын Вышнего и Спаситель, как образец милосердия, посвященный Богу от чрева Матери, пример возвышенного созерцания духовного мира и Созидатель людей (см.: Мф. 1,16; 2, 23; 1, 21, 25; Лк. 1, 32).

Он – Еммануил – безотлучно пребывающий с пасомыми день и ночь, Сын Человеческий, как похожий на нас с наших лучших сторон (см.: Мф. 1, 23; 13, 37); Чистый, как девственная лилия полей; Смиренный, как приниженная фиалка; Любящий, как алая роза, по слову премудрого: *Яко сад шипковый во Иерихоне* (Сир. 24, 15). Таковы должны быть и пастыри Христовы. Свет их деятельности и настроения пусть не может открыться во всем полуденном блеске, но может разгораться тихо, как утренний свет. Служение Господа и пастырей воссозданию человечества мыслится в десятой главе Евангелия Иоанна (см.: Ин. 10) и <четвертой главе. – *Ред.*> Евангелия Матфея в словах: *Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков* (Мдр. 4,19). И еще сюда же относятся евангельские изречения: *Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам* (Ин. 13, 15). *Я вас избрал и поставил, чтобы вы шли и принесли плод, и чтобы плод ваш пребывал* (ср.: Ин. 15, 16). Добрый Пастырь Христос (см.: Ин. 10, 11) – высший первообраз пастырей, идеал их, показывающий, какова должна быть всякая живая пастырская личность. Проникнутые Его бесконечным величием, пастыри могут вслед за пророком Иеремией сказать: *Ты влек меня, Господи, – и я увлечен... было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог* (Иер. 20, 7, 9). Спаситель указывает современным пастырям общее направление в достижении ими цели служения их, по слову Апостола: *В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе* (Флп. 2, 5).

Подражание пастырей Господу должно быть, прежде всего, в приготовлении к своей пастырской деятельности.

Спаситель готовил Себя к великому пастырскому подвигу, как говорят пасторалисты, изучением Писания, посещением синагоги и Храма, этой колыбели и кормилицы веры Израиля. Он поражал глубиной чувства и богатством Своего духа во время беседы с ними в Иерусалимском храме. В повиновении же родителям Он обнаружил самоотречение и смирение Своей любви к Богу и человекам. Неся потребность глубокого покоя для углубления в Себя, Господь Спаситель любил уединение и созерцал тогда дело Искупления. Будучи истинным человеком, Он образовывал характер в отражении искушений (см.: Лк. 4, 1—13). Его потребностью было пребывать в пламенной молитве к Небесному Отцу, извлекать из созерцаемой в природе картины благодати Божией пищу для духовной мысли. Им познавалась природа религиозно. Знал Он глубоко людские радости, скорби и нужды, прозревал всюду Промысл Жизнеподателя. Работа над Своей человеческой природой готовила Его к прохождению

Своего пастырского служения, причем духовное возрастание у Него шло в гармонии с телесным развитием.

Таким образом, идеально прекрасная личность Первопастыря Христа сложилась из следующих жизненных элементов: изучения слова Божия, внутреннего самосозерцания, уединения, уяснения высшего смысла природы и жизни, из молитвенных бесед с Небесным Отцом.

Серьезное приготовление к пастырству современных пастырей должно, в подражание Господу, выражаться приобретением знаний, чистоты, близости к Богу. Сведущий в теории пастырства легче приобретает опыт, глубже наблюдает окружающую жизнь, тщательнее работает над собственной личностью и возгревает возвышенно идеальную настроенность, бросая пастырскими трудами свет практики на свою теорию.

Необходимость обдуманного и зрелого приготовления к пастырству видна на Апостолах Христовых. Допущенные по призванию к теснейшему внутреннему общению с Господом и составляя Его свиту, они не тотчас сделались *ловцами человеков* (Мф. 4, 19), а больше трех лет были со своим Учителем, слушали Его, приглядывались к Его жизни, пользовались Его доверием и руководством. Вначале они слабо отражают свойства Учителя, но после мало-помалу проникаются Его чудесным влиянием и поддаются Ему. Нрав их становится мягче, речь умереннее, поступки более отрешенными от себялюбия. Как ласточки, нашедшие лето, или как замерзшие почки под влиянием теплых лучей весеннего солнца, они раскрывают свою природу около Господа для более полной пастырской жизни. Значение притч им было объяснено со стороны Господа особенно, и они называли Своего Учителя *Равви* (Мк. 9, 5), что значит Учитель жизни.

И пастыри из соответствующих их деятельности книг Священного Писания, как из глубины морской, прежде всего должны износить жемчужины знания, богатства наблюдений над человеческой природой, прояснить истину для самих себя. Теоретическая подготовка исследованием Писаний должна первее возродить самого пастыря, вывести на свет Божий все хорошее в его жизни. Плохое он обязан оставить, покаянно оплакать, забыть и твердо решить более не грешить, и, ставши истинно хорошим человеком, он может быть и истинным пастырем. Знания у пастыря должны быть не самоцелью, не суетою сует, а средством к нравственному улучшению. Все дела свои он должен относить ко Христу, мысленно поставляя их на Его одобрение, имея всегда пред очами Его идеальный образ и благоговей пред Ним. Так вызывается <? > человек в пастыре человеков. Подчинивший себе грубые инстинкты и научившийся играть на многосложном инструменте своей души у себя дома, тот овладеет им и в чужом собрании. Он открывает в себе победой над страстями, молитвой и словом Божиим сферу добрых мыслей и расположений. Наконец, наблюдение в природе величия, премудрости и силы Божией и непосредственное изучение жизни в людских бедах, болезнях и прирелигиозных подъемах еще более осмысливают приготовление к пастырству. Некогда посещение Иерусалимского храма Господом Спасителем в двенадцатилетнем возрасте вызвало в Нем мысли о Храме как о доме Отца Его. Здесь именно по человечеству Господь решил вопрос о призвании Своем служить миру. Охваченный и воспламененный мыслью о Своем призвании, Господь забыл об окружающем, почувствовал непреодолимое побуждение заниматься деятельностью Своего Отца и быть в Его доме, в сознательно свободном подчинении Своей воли воле Отчей. Замечательно, что всю Свою пастырскую деятельность Господь Спаситель изводил из Своего внутреннего собственного Я, руководясь тем, что Ему представляется должным.

Отсюда и для христианского пастыря необходимо внутреннее призвание как импульс его мысли и пастырского бытия. Апостолы Андрей и Иоанн, согласно указанию Предтечи Господня (см.: Ин. 1, 35–37), пошли за Божественным Учителем по внутренней необходимости и желанию и в приятии ученичества от Него восприняли пастырство. Желание быть учениками Христовыми Апостолы выразили вопросом к Нему: *Равви, — или, что то же, Учитель где Ты живешь?*

(ср.: Ин. 1, 38). Такое состояние духа – внутреннее призвание к пастырству. Собственно, здесь мы видим простое сближение будущих пастырей с Пастыреначальником, внутреннее желание быть учениками, свободное решение следовать призыву и своему порыву к свету и истине. Внешнее призвание благодаря ближайшему знакомству с Пастыреначальником развилось у Апостолов в призвание внутреннее. Отсюда пастырское призвание есть способность к непринужденному следованию человека за Христом, связанное с нею стремление к продолжению Его дела и благоприятные для развития этих стремлений и способностей внешние обстоятельства.

Иногда, при внутреннем призвании, благодать Божия явно прикасается к сердцу призываемого и бывает слышима в совести (см.: Откр. 3, 20), как это можно наблюдать на примере митрополита Московского и Коломенского <святителя. – *Ред.*> Иннокентия (Вениаминова). Если у высоконравственных лиц слышимы сердечные веяния и голос благодати, то в обыкновенных случаях внутреннее призвание ощущается как ясно сознанный стремление человека к пастырству. Внешнее призвание к пастырству иногда отождествляют с направлением обстоятельств жизни тех или иных лиц к пастырству и тесным сближением их с пастырством Христа.

Из желающих следовать за Христом Спасителем во дни Его земной жизни одни отвергались, другие призывались, третьи признавались неблагонадежными для Царства Божия (см.: Лк. 9, 57–62) – в зависимости от своекорыстия, от искренности желания и за увлечения мирскими привязанностями. Спаситель никого не исключал из своих последователей, но недостойным не препятствовал исключать самих себя. Вокруг Него происходила мощная работа сердец, и результат борьбы показывал меру достоинства призываемых. В этом-то и заключалось образное вывеивание лопатой Христовой недостойных последования за Ним (см.: Мф. 3, 12).

Говоря кратко, пригодность к пастырству определяется свободно сознательным подчинением воли призываемых воле Бога, вытекающим из внутреннего «я» человека и не покидающим его.

Переход от призвания внешнего к внутреннему можно наблюдать на примере апостола Петра. При восстановлении его в апостольском достоинстве на берегу Генисаретского озера Господь вопрошает его трижды о любви к Себе словами: *Любишь ли ты Меня* (Ин. 21, 15–17) – любвию совершенною, вечною, неизменною? И Апостол отвечает: *Ты знаешь, что я люблю Тебя* (Ин. 21, 15–17) – дружески преданно. После внутреннего самоопределения и самопроверки себя Петром Спаситель говорит ему: *Паси агнцев Моих* (Ин. 21, 15) – юную нарождающуюся Церковь, *паси овец Моих* (Ин. 21, 16, 17), питающихся более твердой пищей. Очевидно, за глубокую любовь ко Христу, искренне обдуманное стремление к пастырству Петр удостоен пастырских прав в полном объеме. Внутреннее призвание могут воспитать в себе все, искренно желающие поработать над собой в пастырской подготовке. У них к сознанию пастырского долга постепенно примешивается интерес, желание продолжать дело, а потом и стремление продолжать учительство с любовью, что и составляет знак внутреннего призвания. Вдумчивое отношение к цели своей жизни и полная убежденность в исполнимости пастырского служения ведут к истинно пастырской деятельности. Будущему пастырю необходимо смиренно сознавать свое недостойство, постоянно ходить в покаянном настроении, и Господь его, изветшало, немудрого и немощного, высотой самого служения возбудит к ревностному исполнению, усугубит его талант благодатию и в немощи его совершит Свою силу. При несоответствии пастырскому идеалу совесть будет всякий раз мучить такого пастыря до тех пор, пока он не воздвигнет себя к исправлению.

Итак, желающий пастырства должен воспитать в себе самоотверженную любовь, готовность самоотверженно сносить укоризны и злословия при исполнении Божией воли. Не имеющий таланта Петровой любви должен работать в Божием вертограде с наличного своею любовью, ввиду настоящей немалой нужды в служителях Церкви. Апостолы, призываемые Господом к пастырству, на зов Христов даже не сказали простого «да», а всецело доверились

Божественному Пастыреначальнику и приняты были Им в Его доверие. Так и современные верующие могут быть достойными пастырями при любви ко Христу, подчинении Его воле личного своеволия, при внутреннем пастырском настроении, полном смирения и высоком в интеллектуальном и моральном отношениях. Отказывающийся от пастырского служения, при способности к нему, наказывается презрением Церкви и гласом Господним чрез Пророка: *Вы презрительно обратили ко Мне хребет и не повиновались; так будет и вам: когда призовете Меня, не призрю на молитву вашу и не услышу ее* (ср.: Иез. 8, 16, 18). Подобно первозванным Апостолам у Господа, теперь, в наличной действительности, первозванными к пастырству должны быть названы современные воспитанники духовно-учебных наших заведений.

В духовных школах их настраивают, формируют, воспитывают, развивают и каждый атом в их организме делают как бы церковным. В учебных заведениях они воспитываются на трудовые жертвы простецов верующих, составляющие свечной доход приходских церквей, пользуются всегда особенным попечением школьной администрации. И каждый из таковых вправе изъявить желание быть пастырем, войти в содружество со Христом, Который готов принять их в доверие к Себе. Питомцев духовной школы призывает к пастырству сама жизнь, Промысл Божий. Не они избрали Господа, а Он избрал их в Свои ученики, чтобы они, по выходе из школы, шли и приносили плод на ниве пастырства. Иные родители, как пророчица Анна – пророка Самуила (см.: 1 Цар. 1, 11), посвящают своих детей Богу от чрева своего, от рождения их, а те должны взаимно воспитать в себе постоянную внутреннюю склонность к служению Церкви, желание любить пастырское звание и носить его. Когда совесть уполномочивает нас и побуждает нас возложить на себя исполнение пастырской обязанности или обстоятельства жизни ведут к тому, тогда мы призваны делать Божие дело. Пастырское призвание – результат внутренней работы над собой, а не результат внешнего чуда. Работать над собой следует во имя Христовой любви и в этом полагать свое призвание.

Самооценка в пастырском приготовлении к служению Церкви маловажна из-за своей нередкой ложности. Так, готовящиеся ко священству могут прельщаться будущим своим служением в силу желания влиять на других или прельщения внешней красотой богослужебных действий. Иные находят предвкушение удовольствия от мысли, что они будут учить, наставлять, исповедовать верующих. Некоторые, с тонким самолюбием, мечтают о высоких должностях и церковно-административной работе и достижениях. Приступающие к пастырству с описанным предрасположением скорее способны внести в жизнь своей паствы путаницу чем ее преобразовать к лучшему.

С другой стороны, бесполезно будущим пастырям в период подготовки к служению непрерывно шупать пульс каждому своему ощущению для определения меры своей годности к пастырству. Такой самоанализ выражает лишь слабохарактерность, поддающуюся летучим влияниям мыслей. Но среди кандидатов священства встречаются и достойные люди. Отмечая наличие их, преподобный Симеон Новый Богослов в своем 88-м слове говорит: «Кто... стяжал такую любовь к Богу что лишь только услышит одно имя Христа, тотчас начинает гореть пламенем к Нему и проливать слезы, плакать при этом и о братьях своих, почитая грехи других собственными своими и от всей души имея себя самого грешнейшим паче всех... но питает дерзновенное упование на Божественную благодать и силу, ею подаемую, и если с готовностью решается на такой шаг <принятие священства>, то... <тот готов> живот свой положить за братии, во исполнение заповеди Божией и любви к ближнему»¹⁸.

Люди с таким настроением редки. Большинству приготовление к священству дается большой предварительной работой над собой. Склад души русского человека, жаждущего обновления, скорбящего о своих грехах и стремящегося и себя, и других приблизить к Богу, как раз соответствует тому настроению, которое должно определиться в кандидате священства.

¹⁸ Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. М., 1890. Вып. 2. С. 461–462.

Естественная подготовка к его будущему служению должна выражаться в следующем совершенствовании:

1) он обязан изучить условия успешной борьбы добра со злом по разуму Библии, святых Отцов Церкви, по аскетикам епископа Феофана Затворника и епископа <святителя. – *Ред.*> Игнатия Брянчанинова, на основании современной изящной и классической литературы и общения с больными, скорбными и опытно духовными лицами;

2) его обязанность – навекать к проповедничеству, уяснять себе при этом истины веры и побеждать застенчивость. Малодейственное внутреннее слово, высказываемое проповедью, растет у самого проповедника, как пять евангельских хлебов в истории насыщения пяти тысяч человек (см.: Мф. 14, 17–21);

3) навыки чистоты, благочестия, любви и сострадания должны быть для готовящегося к священству первейшим объектом внимания. Бывают пастыри-аскеты, послушные высшей церковной власти, но чуждые пастырского умения объединяться с паствой. На поприще церковного служения они нередко неопытны и тяжелы для пасомых сухостью и черствостью. Учиться пастырскому духу по книгам подвижническим следует осмотрительно и с выбором руководств. Есть книги, которые превосходно учат чистоте и богомыслию, но не раскрывают путей к воспитанию отзывчивости и сострадания. Названные качества учат развивать лишь те руководители, которые потрудились в общественной работе, направленной к душевному спасению руководимых ими. Их пример показывает, что самозамкнутому человеку нужно сближаться с людьми в их несчастьях, когда они сами напрашиваются на откровенность и сочувствие, деятельно раскрывать себя к участию другим и расширять свою открытость и мягкость обращения. Сладость бескорыстной любви сама повлечет к продолжению деятельности на пользу окружающих. При малочисленности искренних людей как ценны лица, полные задушевности! Между тем только они способны горячо проповедовать, понимать настроение собеседников и уметь давать им нужные ответы. Напротив, закованность в номизм <греч. νόμος – закон. – *Ред.*> и схоластику очерствляют человека и разобщают со всеми;

4) наиболее важный труд надо приложить кандидату священства к приобретению прямолинейных религиозных убеждений. Колебания воли пасомые прощают своему пастырю при его немощах, но измену убеждениям – никогда. Равно и суд Божий, и суд личный требует от каждого из нас быть человеком идеи. Условность, подчиняющаяся разным порывам по часам дня и попускающая за молитвой злоречие, цинизм, пренебрежение верой и тому подобное, в пастыре недопустима. Ему никогда нельзя маскироваться неверием, но следует неизменно быть преданным вере, <быть— *Ред.*> *железным столбом и медною стеною* (Иер. 1, 18) в неизменном соблюдении Закона Божьего, уклонение же от воли Божией оплакивать горько. Взгляд на пастырство как на внешнюю профессию хиротонисуемого лишает обновления благодатию священства. При учительстве он, сделавшись пастырем, изнесет из своей души пасомым одни сухие, диалектические доводы необходимости добродетели и гибельности порока, но никто из слушателей от проповедничества его не подвигнется к исправлению и не придет в чувство. Неуклонно верный пастырским идеалам до хиротонии расширяет свои религиозные понятия, создает в себе целостность характера без фанатизма, без раздражительности и холодного квиетизма <лат. quietus— спокойный, безмятежный. – *Ред.*>, вырабатывает духовный вкус и чутье к оценке жизненных явлений.

Вступив на поле пастырского служения, он будет в полном смысле слова *устаами Божиими* (ср.: Мф. 4, 4) в руководстве верующими.

Сущность пастырского служения

Раскрытию важнейших сторон пастырской психологии предпошлем рассмотрение вопроса о сущности пастырского служения.

Обычно существенную цель пастырского служения полагают в заботах о духовном усовершенствовании или спасении людей. Такое определение, бедное содержанием, слишком общее. Под это определение душепопечения без натяжек может подойти пастырство всевозможных религиозных направлений и оттенков: попечителями душ пасомых одинаково считают себя церковники-обновленцы, ксендзы, пасторы, сектантские пресвитеры, или «старшие братья», магометанские муллы и языческие жрецы.

Православно-пастырское богословие, в лице своих разных исследователей, характернейшей чертой христианского пастырства считает и нравственное руководство паствой, и тайноводство, и проповедничество, и сумму трех видов пастырского служения, только что поименованных. Профессор В.Ф. Певницкий, например, признает, что пастырское служение состоит «в строении Тайн Божиих, проповеди слова Божия и попечительном руководстве людей в духовной жизни»¹⁹. Архиепископ Антоний (Храповицкий) в пастырской деятельности отмечает два свойства: благодатно-духовное возрождение людей и руководство их к духовному совершенству²⁰.

За отсутствием единого определения сущности пастырства в пасторологии неотчетливо преимущество какой-либо важнейшей стороны этого служения. С упадком у нас живого пастырского духа данный вопрос освещается или односторонне, или неверно или вовсе забывается. Многие современные пастыри главную часть своего служения усматривают в совершении Таинств, богослужения, треб и молитвенных чиноположений. Другие считают это второстепенным в пастырстве, а главным считают руководство пасомых и расширение проповедничества. Третьи, в последние годы нашей жизни, вводят в состав пастырских обязанностей усиленные заботы об устройении земной культуры и участие в государственном строительстве. Мироотреченный же, «византийско-аскетический», характер пастырства осуждают (обновленчество). Четвертые, признавая важность тайноводства и руководства у пастырей, отделяют пастырство от священства и относят священство более к Догматике (см.: *Экземплярский В.И.* Библейское и святоотеческое учение о сущности священства. Киев, 1904), а пастырство к научной Пасторологии (архимандрит Борис [Плотников]) или к особому отделу ее (архимандрит Кирилл [Наумов]).

Вот почему необходимо ясное определение существенного характера пастырства, общим признаком коего признается руководство ко спасению. Различие ответов на данный вопрос должно зависеть, очевидно, от того или иного понимания спасения. Пасторология не занимается толкованием существа спасения и принимает уже готовое понимание спасения. Епископ Феофан Затворник, признанный судом Церкви и Академии авторитетом в области аскетики, определяет христианскую жизнь в смысле ревности и силы «пребывать в общении с Богом деятельным, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его во славу пресвятого имени Его»²¹.

Следовательно, существо христианской жизни состоит в богообщении о Христе, Господе нашем, в «богообщении, вначале обычно сокровенном не только от других, но и от себя»²². Первоначально оно выражается подвигами очищения от грехов и лишь постепенно становится ощутительным при своей таинственности. Если богообщение — цель трудов наших и сущность спасения, то и начало его и последующее Домостроительство спасения или способность и сила его достигать зависят не от человека, а от Бога, имеющего власть дать Себя в желаемое общение. Вера и усилие человека в спасении требуют восполнения благодатию Духа Святого по милости и благодати Божией. Чрез Духа Святого и совершается богообщение. Без благодати

¹⁹ Певницкий В.Ф. Священство. Основные пункты в учении о пастырском служении. Киев, 1892. С. 1–2.

²⁰ См.: *Архiep. Вольнский Антоний (Храповицкий)*. О православном пастырстве. С. 1.

²¹ *Свт. Феофан Затворник*. Путь ко спасению. 8-е изд. М., 1899. С. 9.

²² Там же.

Божией в христианине не может быть ничего доброго, как и апостол Павел говорит: *Благодатию Божиею я есмь то, что есмь* (ср.: 1 Кор. 15, 10). Долго мы не знаем сей необходимости своего душевного укрепления благодатию. Когда же это опознаем, тогда начинаем видеть необходимость для себя благодатной силы буквально в каждую минуту нашего бытия, подобно дыханию. Беспредельно широка действующая в человеке благодать Господня. Для человека всем является Господь постоянно. Человеческие привнесения в дело своего спасения состоят лишь из сознания греховности и из немощных усилий выйти из нее. Сообщение людям даро-спасающей благодати есть цель служения в Церкви Господа Спасителя. Он исходатайствовал от Бога Отца изливание Святого Духа на Церковь в Пятидесятницу. С того времени до кончины настоящего бытия Дух Святый непрестанно посылается на спасение людей чрез Господа Иисуса Христа, Посредника между Богом и людьми.

В связи с этим сущность пастырского служения Господа наиболее правильно усматривать в благодатном посредничестве (см.: Ин. 10; 1 Пет. 2, 25; 5, 4; Евр. 13, 20). О продолжателях Своего служения – Апостолах и их преемниках, пастырях, Спаситель сказал: *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Ин. 20, 21). По выражению апостола Павла, пастыри – сорботники, споспешники, слуги Христовы, посланники Божий, от имени Христова, то есть те же посредники и продолжатели дела Христова (см.: 1 Кор. 3, 9-Ю; 4, 1-2, 9; 2 Кор. 5, 20). *Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам <Апостолам> служение примирения... Итак мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом* (2 Кор. 5, 18, 20). Судя по этим словам, характер пастырства выражается посредничеством не человеческим, а Христовым, благодатным. *Если кто Духа Христова не имеет, тот и не Его* (ср.: Рим. 8, 9). Мысль о Божественном, благодатном посредничестве пастырей апостол Павел защищает в первых четырех главах Первого послания к Коринфянам против ложного взгляда некоторых коринфских христиан, привязывающихся к человеческим преимуществам своих духовных отцов.

Представление о пастырстве как благодатном посредничестве в деле возрождения людей отмечено в учебнике по Пастырскому богословию архимандрита Кирилла (Наумова). Только здесь посредничество более относится к богослужению и тайноводству, пастырское проповедничество и руководство лишь отчасти связаны с основной сущностью пастырского служения. Подобное деление искусственно, если не объединить всех сторон пастырства в общем признаке – посредничестве пастыря за паству пред Богом.

Святоотеческий взгляд на благодатное посредничество в пастырстве особенно ясно показывает, между прочим, преподобный Симеон Новый Богослов: «Владыка наш и Бог, желая научить нас, что к Богу приближаться надлежит нам с помощью какого-либо посредника и поручителя, Сам, как во всем прочем, показал нам пример и образец, так и в этом Сам был первым Посредником и Ходатаем человеческого естества, принеся оное в Себе Отцу Своему и Богу.

Потом поставил служителями сего посредничества и ходатайства святых Апостолов Своих, которые и приводили ко Владыке Христу всех уверовавших в Него. Апостолы опять, из числа сих уверовавших, избирали достойнейших и их рукополагали в преемников себе – быть служителями того же посредничества»²³ и так далее «даже доныне»²⁴. Все они были посланы для того, чтобы сделать «нас сынами» Богу «по благодати»²⁵ посредством проповеди Евангелия и Святого Крещения.

Подобное же воззрение на сущность пастырского служения находим в дневнике отца Иоанна Кронштадтского, мнение которого, бесспорно, равняется по авторитетности святооте-

²³ Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 111.

²⁴ Там же. С. 111–112.

²⁵ Там же. С. 117.

ческому. Его мысли на эту тему исходили из опытного осуществления пастырского идеала, почему с ним нельзя не считаться. «Чрез священство грешные люди примиряются с Богом, с Которым бывают постоянно во вражде чрез грех, и становятся братьями Самого Христа и сынами Божиими...<...> Таким образом священство Церкви Православной по своему характеру есть служение величайшее, и на Земле – пренебесное, святейшее, жизнерадостное и всеосвящающее; служение священническое есть посредничество между Творцом и тварью»²⁶.

По отношению к первому Посреднику, Христу Спасителю, посредничество пастырей – слуг Христовых – вторично и даже третично, если принять во внимание действие еще благодати Святаго Духа. Сам по себе всякий священник – ничто, но по благодати священства делается виновником исцеления болезней, единения верующих с Богом в Таинствах и руководителем их ко спасению советами и наставлениями.

Во всяком посредничестве налицо взаимоотношение двух сторон чрез третье лицо, посредствующее между двумя. Виды и степени взаимообщения зависят от близости объединяющихся сторон и меры посредственной передачи ими себя и своего – друг другу чрез третье лицо. Следовательно, основные элементы в посредничестве таковы:

- 1) общение;
- 2) зависимость от высшей стороны;
- 3) посредство третьего лица.

Названные элементы имеются во всех видах пастырского служения. Возьмем чисто благодатную, тайноводственную сторону пастырства.

Здесь без пастыря и его благодатных полномочий, хотя пастырь, сам по себе, в Таинствах и не имеет существенного значения, тайноводственного общения людей с Богом не совершается. Пастырь – посредник благодатного тайносовершения.

Совершая богослужения и вознося молитвы в церкви, пастырь по идеалу не рядовой молящийся, а предстоятель от лица всех пред Богом.

По благодати священства он возносит Богу молитвы от народа и за народ. Другими словами, он молитвенник посредствующий.

Его руководство паствою, чрез учительство в Церкви и отеческое общение с отдельными пасомыми, содержит в себе три элемента:

- 1) приведение слушателей беседою к общению с Богом;
- 2) действие в богообщении благодати Божией;
- 3) пастырское представительство от лица Божия при возвещении Евангелия.

Божие слово, конечно, действенно само в себе. Но вера, любовь и смирение, дышащие в пастырских словах, возгревают слово Божие в душах пасомых.

За последнее время в верующей интеллигенции и самой пастырской среде упрочился взгляд на служение пастыря, так сказать, душевный, естественный. Со стороны церковного общества и духовенства поднимаются голоса, требующие повысить проповедничество и пастырское руководство и одушевить его. При этом стороны тайноводственная и молитвенная в современном церковном сознании отступают на второй план как неважные, малоинтересные и механические. Интеллигенты, простой народ и сектанты очень часто проникнуты стремлением оценивать пастырство мерой проповеднического таланта и весом личности самого пастыря. А так как наличная пастырская деятельность не удовлетворяет этим требованиям, то, особенно, сектанты порицают Православную Церковь за оскудение истинными пастырями. К сожалению, и среди духовенства, особенно городского, гаснет представление себя благодатными посредниками и молитвенно предстательствующими за народ пред Богом. Это погасание заметно не в теории или сознании, а в сердцах живой психологии и в пастырской практике. Ревностные пас-

²⁶ Иоанн Кронштадтский. Живое слово мудрости духовной. СПб., 1911. С. 75, 76.

тыри более расположены уделять свое исключительное внимание нравственно-воспитательной работе путем энергичного проповедничества.

При выяснении сравнительного достоинства видов служения пастыря следует исходить из понятия этого служения как благодатного возрождения людей и благодатного посредничества. Главный Совершитель спасения людей – Господь и Его благодать. Личность пастыря здесь второстепенна. По отношению к Пастыреначальнику Христу и благодати Святого Духа она – посредствующая инстанция. О том, что благодати Святого Духа в спасении принадлежит, по существу, все, Златоуст рассуждает так: «Не будем... говорить худо <о достоинстве пастырях... Устыдимся того дня, в который он просветил нас Крещением... он каждый день служит тебе, предлагает чтение Писания, для тебя украшает дом Божий, для тебя бодрствует... за тебя предстоит и ходатайствует пред Богом, за тебя творит прошения, для тебя совершает все свое служение. Этого устыдись, это представляй и подходи к нему со всяким благоговением. Он нехорош? Но скажи мне, что из этого? И хороший разве сам сообщает тебе великие блага? Нет... Бог действовал и чрез волов при кивоте (см.: 1 Цар. 6). Разве жизнь священника или добродетель его может совершить что-нибудь подобное? Дары Божий не таковы, чтобы они зависели от священнической добродетели; все происходит от благодати; дело священника – только отверзать уста, а все совершает Бог; священник же исполняет только видимые действия. Вспомни, какое расстояние между Иоанном и Иисусом... И однако, Дух не сошел прежде, нежели совершено было Крещение... Для чего же так было? Чтобы ты знал, что священник совершает только видимые действия... <a> все устрояет Бог... все совершает Бог»²⁷.

Если Бог и благодать Его – главный фактор спасения, то личность пастыря здесь второстепенна. Чрез пастырей действует Сам Господь, тайноводствуют ли они, молятся ли или руководствуют кого. Совершение спасения благодатию выделяет на первый план пастырского служения ту его сторону, в которой непосредственное, теснее и более всего облагодатствуются люди. Ближе всего богообщение производится совершением семи Таинств Церкви, молитвенных чиноположений и действий, подающих благодать Святого Духа. Отмеченную главную сторону пастырского служения можно назвать мистической, или благодатно-таинственной, и более важную по признаку посредничества прямого, непосредственного.

Продолжение тайноводственного вида пастырской деятельности составляет молитвенное посредничество. По идеалу пастырь-молитвенник стоит как бы посередине между Богом и людьми. Силою благодатной любви одна рука его, так сказать, держит вверенную паству, другая по дару священства дерзновенно держится за Бога. Он ходатайствует пред Богом, испрашивает нужную помощь благодати или по своей инициативе и желанию молится за паству. Кроме часто повторяющихся типичных явлений христианской жизни и событий, освящаемых особыми Таинствами и обрядами, у отдельных верующих людей могут возникать личные, особенные нужды. Для таких случаев Господь дал пастырю право ходатайствовать пред Ним о ниспослании верующим особенной потребной благодати.

Благодать же нужна постоянно и необходимее человеческих предосторожностей, знаний, советов и просьб. За высоту значения молитвенная сторона должна стоять в сознании пастыря почти рядом с мистическим посредничеством. Но степень непосредственности в ней все же меньшая сравнительно с тайноводством. На выработку молитвенного духа современные пастыри как раз обращают внимания недостаточно. И быть может, приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский еще в годы академического студенчества, чутко уловив в современном ему пастырстве черту омертвления молитвенного чувства, сам возгорелся стремлением возжечь в себе пламень молитвенного духа. Свое глубокое желание сделаться

искренним предстателем за людей пред Богом он, как известно, осуществил идеально. Молиться горячо, чудотворно было его любимой стихией, особенно за ежедневным соверше-

²⁷ Там же.

нием Литургии. Подобно этому главная забота всякого пастыря души должна направляться к созданию в себе чистого настроения для безгрешного предстояния Божию престолу и молитвы здесь за людей Божиих по данной благодати. Благодатное молитвенное посредничество в связи с этим следует поставить в пастырском самосознании непосредственно за важнейшим мистическим служением.

Третий вид пастырской деятельности – благодатное руководство естественнее всего рассматривать и ставить пастырю после молитвы. Молитва, как сказал недавно Святейший Патриарх Алексий в речи новорукоположенному епископу Петрозаводскому и Олонецкому Нектарию, «является выражением общения с Богом, ибо от молитвы сила власти». «Действия» молитвенно возносящегося к Небу епископа «исполнены благодати и силы»²⁸. В пастырском руководстве несомненны и действие благодати, и общение с Богом пастыря и пасомых. При всем том в нем нет характера непосредственности, столь выразительной, как в первых двух видах пастырского служения. Здесь между пастырем и руководимыми им посредствует учительное слово. Оно касается прежде всего мысленной стороны слушателей и чрез мысль падает на орган чувства – сердце, преимущественно печатлеющее в себе религиозные переживания. Потому пастырское руководство вводит в общение с Богом прежде всего мысли пасомых и подготавливает их к Таинствам и молитве – как средствам непосредственного общения с Богом. Его можно назвать непрямым посредничеством и путем людей к Богу – вспомогательным, косвенным.

Высказанный нами взгляд на сравнительное значение тайноводства, молитвы и руководства в пастырстве принимается согласно далеко не всеми пасторологами. В наиболее старых по времени появления в свет курсах Пастырского богословия центр внимания уделяется исключительно пастырскому руководству и учительству. О тайноводстве и молитве пастырей в названных курсах говорится бегло, формально. Даже архиепископ Антоний (Храповицкий) сущность пастырства перенес на сторону моральную и дар благодатной, сострадательной любви к пастве считает сущностью пастырского служения²⁹.

²⁸ *Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий*. Речь, произнесенная Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием при вручении архипастырского жезла новопоставленному епископу Петрозаводскому и Олонецкому Нектарию во Всехсвятском храме г. Москвы 29 июня 1947 г. // Журнал Московской Патриархии. М., 1947, № 8. С. 9.

²⁹ См.: *Архиер. Волынский Антоний (Храповицкий)*. О православном пастырстве. С. 18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.